

БОЕВОЙ МЕТОД ПИСАТЕЛЯ

ЮРИЙ ОКУНЕВ

Юрий Окунев

Боевой Метод Писателя

«Автор»

2026

Окунев Ю.

Боевой Метод Писателя / Ю. Окунев — «Автор», 2026

В мире, где писатели сражаются цитатами из классики, а лучшие авторы собирают армии из собственных персонажей, Академия Сепия — это Олимп. Сюда приходят с деньгами, связями и годами правильного обучения. Михаил Перьев не подходит ни по одному пункту. Зато у него есть ультиматум отца: провали хоть один экзамен — три года работай на меня. И даже необходимость сдать все пять вступительных за один день его не остановит. Вампиры, Гидры, ядовитые джунгли — Миша идёт вперёд с потрёпанной книгой, нулевым бюджетом и Пушкиным наизусть. Но кое-кто уже следит за новичком, которого здесь быть не должно.

© Окунев Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Академия Сепия	5
Глава 1.2 Академия Сепия	11
Глава 2. Улыбка вампира	17
Глава 3. Много зубов	24
Глава 4. Словом можно убить	34
Глава 5. Между кицунэ и зубастым демоном	44
Глава 6. Тарталетки с авокадо	51
Глава 7. Фолиант основателя	59
Глава 8. Зловещая долина	65
Глава 9. Неправильные вопросы	71

Юрий Окунев

Боевой Метод Писателя

Глава 1. Академия Сепия

— О, Михаил Александрович! Какими судьбами?

Противный, как скрип несмазанных петель, голос прорезал вечерний сумрак, а глухой смех нескольких человек заставил сжать кулаки и поправить сумку с моим главным оружием. Они посчитали, что окружили меня. Наивные.

— Чего надо, Серёга? — с издёвкой спросил я, оглядывая пятёрку силуэтов в тени. — Спокойной ночи малыши, вообще-то, уже закончились.

— Я тут, понимаешь, к нему со всем уважением, а он мне «Серёга»! Где твоё воспитание? Позоришь своих родителей! Хотя, куда уж больше.

Под свет гудящего фонаря от металлической, с осыпающейся краской шведской стенки вышел высокий долговязый парень лет семнадцати с толстой книгой в руках. От неё исходил мягкий фиолетовый свет, заставляя реальность вокруг нас слегка плыть.

— Знаешь, Михаил Александрович, в вашем возрасте я уже вёл правильный образ жизни и не занимался всякой ерундой, — он попытался ткнуть меня книгой в грудь, но я отшагнул чуть назад, и он промазал.

— Ты старше меня всего на два месяца, умник, — устало ответил я и положил пальцы на сумку так, чтобы никто ничего не понял. — И до сих пор сидишь на детской площадке.

Книга Серёги засветилась ярче, и я почувствовал давление магии на свои плечи. Мне удалось его разозлить. Отлично! Не думал, что мой план сработает настолько быстро!

А ведь ещё двадцать минут назад я стоял в книжном и вёл рукой вдоль книжной полки, касаясь корешков. Кожаные, бумажные, каменные — все они манили и испускали сильную магическую энергию. И стоили в пять раз больше, чем весь мой годовой доход.

— Хватит лапать книги! Покупай или проваливай! — рявкнул продавец, с треском опуская на полку защитное стекло.

Я с тоской посмотрел на особо мощный экземпляр. Даже через закрытую обложку я видел образ топора, дребезжащего над пошлостью мира. Пять золотых, полгода на воде и хлебе. Или...

— Тварь ли я дрожащая или право имею? — прошептал я.

— Дрожи подальше отсюда, Миша. Пока я не разозлился, — ругнулся продавец, вытаскивая меня из магазина и с лязгом задвигая стальную магическую решётку за моей спиной. Магазины на ночь нужно было обезопасить.

Я хмыкнул и постоял у витрины, наблюдая, как продавец открыл одну из книг, прочитал что-то вслух, — стекло не пропускало звук, — и посреди торгового зала появился призрачный пёс с горящими фосфорным светом глазами.

— Собака Баскервилей! — удивился я.

Дорогая штука, жрёт силы, но даже *цитата* опасна для рискнувших сюда сунуться воришек. Хотя чего я ожидал от любимого магазинчика, единственного, который продавал действительно стоящие вещи.

Когда пёс глянул в мою сторону, я помахал классике рукой с довольной улыбкой и быстрым шагом пошёл прочь. Засунув руки в карманы, направился домой по пустому тротуару мимо затихающих панельных пятиэтажек. В рюкзаке лежали магические чернила, которые должны сыграть весьма значительную роль в моём успехе.

Правда, я не ожидал, что это произойдёт столь стремительно.

И теперь стоял один против пятерых под гудящим фонарём, ожидая, когда фиолетовая магия Серёги обретёт форму.

— *«И днём и ночью Кот учёный, всё ходит по цепи кругом»!*

Пушкин. Можно было бы посмеяться над детской сказкой, если бы одно «но»: передо мной, прямо под гудящим электрическим фонарём, сияя фиолетовым светом, материализовался кот. Размером с волкодава, тёмно-серый с горящими жёлтым огнём глазами. Кот стоял на задних лапах и раскручивал в передних кусок цепи. Достаточно учёный, чтобы надавать мне по башке.

Персонаж сказки казался настоящим, лишь по краям немного плыл, выдавая своё магическое происхождение.

Вот что значит живой классик, на чьих произведениях выросло пять поколений!

С боевым «Мяувр!» учёный кот бросился ко мне под хохот окруживших меня парней.

Я выкрикнул любимую защитную *цитату*, экономно используя свои силы: нефиг трагиться на безумных котов.

— *«Дом был окружен невидимой стеной вибраций, электронным полем, которое гудело, стоило кому-нибудь к нему прикоснуться...»*

Моя книга, которой я едва касался пальцами, засияла тусклым зелёным светом, мой запас популярности, магический запас, с десяти очков просел до восьми, и вокруг меня появилась прозрачная сфера.

Кот с цепью вмазался в неё головой и отлетел назад. Чтобы через мгновение вскочить и с рыком тигра снова броситься вперёд.

— Ты офигел такой фигнёй от меня защищаться? Уже повторяешься! — подобрался Серёга и добавил: — «Идёт направо — песнь заводит!»

Кот тут же заорал противным голосом, и мой щит задрезжал, а затем и рассыпался на осколки.

Вот и сэкономил силы, Аристотеля тебе в лысину. А ещё *цитату* не успел произнести полностью, не рассчитал напор. Да и старина Рэй сегодня не так популярен, как раньше.

Второй щит я ставить не стал. Не потому, что не успел, а потому что уже понял, что случится дальше. Требовался другой подход и мгновения подготовки. Поэтому лапы кота лупанули со всей силы, и я, упав на землю, сразу почувствовал, как набухает синяк на груди.

Однако была у этого и обратная сторона: удар оказался такой силы, что призванный кот не выдержал и сам исчез.

Серёга этого даже не заметил: до сих пор популярность Пушкина позволяет использовать цитаты без риска поранить самого себя. Как и свободная лицензия, спасибо Гончаровой. Во всех наших учебных заведениях учат призыву именно на текстах Пушкина благодаря их внешней простоте и мелодичности.

От боли у меня в голове зазвенело. Мир на мгновение будто искривился, перед глазами пронеслись неизвестные мне образы: огромная арена, густой лес, невероятный, разбитый на осколки, но при этом живой пейзаж. Затем всё исчезло, оставив меня одного против пятерых.

И если секунду назад я хотел процитировать старика Пушкина, как и Серёга, то теперь, чувствуя, как закипает внутри гнев на подставу со стороны Серёги, я прошипел:

— *«Огромная тень накрыла город, и запахло смертью. Франк наслаждался этим запахом, следуя за ним, как за путеводной звездой. Только ночь и шпага, только шпага и смерть».*

Слова цитаты обожгли язык, появился привкус крови. По телу прошла дрожь, виски пронзило острой болью, а книга вспыхнула в моих руках ярким зелёным светом, не тусклым, как обычно, а ярким, как взрыв сверхновой. Вокруг закрутилась спираль из букв, складывающихся в слова цитаты.

Из носа потекла кровь, меня замутило, но я улыбался, как придурок. Невероятно мощный выброс магии! Сработало, чёрт возьми! У меня получилось!

Все замерли.
Серёга побледнел.
Секунда. Две. Пять.
Ничего.

— И это всё? — первым заржал Серёга. — И какого ноунейма ты цитировал? А ведь по сиянию видно, что вложился как надо. Весь запас популярности слил?

Серёга поправил воротник дорогой рубашки, которая, как ни печально это признавать, ему очень шла и делала на пару лет старше.

— Если хочешь быть успешным писателем: ориентируйся на лучших! Цитируй лучших! Это сделает тебя популярным и сильным. А не вот это вот, — он сделал уничижительное движение рукой. — Смотри, как должен действовать действительно великий будущий писатель!

Серёга раскрыл свою книгу посередине, на мгновение замер, делая театральную паузу на фоне фиолетового свечения, играя на публику. Сегодня без театральщины писателю никуда. «Аудитория» подпевал замерла в благоговейной тишине: они все были фанатами таланта Серёги, по этому критерию он их и выбирал. Благодаря их поддержке парень мог использовать больше сил и призывать более сложные сущности из книг.

— *«Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.
Горячий капал жир в копченое корыто,
И лопал на огне печеный ростовщик».*

Нечастая фраза, но за счёт как феноменальной популярности Пушкина, так и таланта Серёги, через мгновение из сумрачных теней собрался едко пахнущий серой и горелым жиром бесёнок.

Мне по пояс, с рожками на голове и красными глазами. Он держал в лапах с жирными, как сардельки, пальцами вилы, нацелив их точно на меня.

На улице стало жарко, будто мы оказались в адском пекле, а сам бес, опираясь на вилы, двинулся ко мне.

Ноги подрагивали — я вложил за раз слишком большой запас популярности. Пусть Серёга думает, что мне осталось только швырнуть в беса талмуд. Несмотря на боль, я встал с земли и приготовился к бою. Писатели не сдаются!

Бес шагнул ко мне, выставляя вилы, готовый уколоть меня, как отбивную на тарелке. С рыла капала слюна, из ушей валил дым, а воняло серой так, что хоть ангелов вызывай.

Серёга — талантливый, очень сильный и с правильным обучением — мне самоучке с ним тяжело тягаться. Только вот он привык к шаблонам и «надёжным» *цитатам*. А я с младых когтей привык выдирать у Музы своё: свои истории, свои сюжеты. Своего персонажа.

Книга в руках продолжала гореть ярким зелёным светом, как маяк в бурном море фантазии.

И вот он пришёл: я почувствовал то самое ощущение. Вдохновение, крылья Музы, которые осеняют автора, когда он создаёт что-то живое и настоящее. Благословение, которого могут коснуться только те, у кого есть истинный Дар писателя.

Как бы ни был талантлив Серёга, он не единственный творец на этой улице.

Из темноты проулка вышел молодой мужчина в чёрной одежде и шляпе, отсалютовал шпагой. Блеснуло серебро.

— Я почуял запах приключений и чей-то смерти. Не смог пройти.

Мой персонаж. Моё творение. Мой первый Боевой Метод Писателя.

Бес, который секунду назад не видел никого, кроме меня, бросился к мужчине, и тот легко отбился шпагой от размашистого удара вилами. Оружие серебром сверкнуло в темноте. Столкнулись две истории, два персонажа, которые теперь выясняли, кто из нас сильнее как писатель.

— Кто-то читает подобные клише? — удивился Серёга. — Видимо, два инвалида, раз он так долго появлялся при таком мощном всплеске магии.

Долго, как же. За него всю работу сделали пять поколений, и персонаж моментально проявляется. Моему же нужно время, чтобы созреть и напитаться кровью. Только Серёга пока это не поймёт.

— Как зовут автора хоть? — небрежно спросил он.

Его бес продолжал с визгом атаковать мужчину. Я же, наблюдая за тем, как выдуманный мужчина выбивает спесь из такого же фантастического беса, ответил:

— Михаил Александрович Перьев!

Сергей и его компания одновременно сделали шаг назад.

— Ты вызвал СВОЕГО персонажа?! Чем ты думал, идиот?!

Да, забыл сказать: вызов своего персонажа — безумие до определённого уровня. Платить приходится не популярностью. Кровью. Хотя кровь я, кажется, уже упомянул.

У меня из носа уже давно текло, а сейчас добавилась кровь из ушей. Но я не отступил, удерживая концентрацию. Кривой оскал расплзся по моему лицу. Думаю, это было запоминающееся зрелище.

— Я буду писателем. И ты мне не помешаешь! — рыкнул я.

Мой Франк размашисто взмахнул серебряной шпагой и отрубил бесу голову, отчего тот моментально развеялся.

Серёга отшатнулся, всхлипнул от боли и схватился за шею, чуть не уронив потухшую книгу на землю. Словно Франк ударил не по бесу, а по человеку.

— Псих! — крикнул он, опираясь на руки подоспевших подпевал. — Ты же угробишь и себя, и других!

Я молчал, покачиваясь на ослабевших ногах и вытирая кровь с губ. Франк встал рядом со мной, указывая шпагой на Серёгу. Но ответить тот ничего не успел: вдалеке раздался свист. Кто-то вызвал полицию.

— Чтоб ты сдох, Мишка, — сказал Серёга и быстро, как позволяли ноги после писательского поединка, похромал подальше вместе с компанией.

Я же подозвал Франка к себе, сделав особый жест рукой. После чего медленно пошёл в сторону качелей. Оказалось, что наш бой проходил прямо посреди детской площадки.

Я не собирался убегать: во-первых, хоть в запасе осталось пол-очка популярности, но не осталось обычных сил, способных удержать на ногах. Во-вторых, бежать сейчас — значит потерять концентрацию и лишиться своего достижения.

Поэтому я еле-еле доковылял до качелей, сел на скрипнувшее сиденье из толстых металлических труб и принялся медленно раскачиваться.

По-хорошему нужно было отозвать Франка, но я не имел права сделать сейчас: слишком уж хороший шанс мне выпал. Так что я принялся считать.

Через две минуты на детской площадке уже стоял участковый, сжимающий антимагическую дубинку. Пистолет висел на поясе нетронутым. Мужчина осмотрелся, проверяя, есть ли здесь кто-то ещё, после чего подошёл ко мне ближе.

— Что опять случилось, Мишка? — спросил он, сурово глядя на вызванного мною Франка.

Тот уже убрал шпагу и походил на обычного, пусть и чрезмерно увлекающегося модой парня.

— Ничего, дядя Аркадий, — ответил я, едва сдерживаясь от того, чтобы не упасть с качелей. В ушах стучала кровь, пузырьками вырываясь наружу. — Гуляю.

— Угу, — покачал Аркадий головой. — Вместе с призванным существом писателя? Обсуждаешь планы на следующую главу? Советуешься?

В его голосе сквозила язвительность, но в то же время и беспокойство. Конечно, все мы слышали о писателях, которые утверждают, что персонажи сами диктуют им диалоги, заводят сюжет в непонятные дебри и иными способами издеваются над своими создателями.

Но профессиональная среда давно постановила, что это лишь отмазки для тех, кто не способен проявить дисциплину, и выстроить действительно сильную историю, и прописать продуманных выпуклых персонажей.

— Советуюсь, ага, типа того. Что-то случилось? — я начал заваливаться и это не осталось незамеченным.

Участковый подхватил меня, не давая упасть, усадил на качели поудобнее. Они снова скрипнули. Аркадий сделал вид, что не видит потёки крови на лице и шее.

— Датчик сработал на выброс Боевого Метода. На детской площадке Как ты понимаешь, игнорировать такое нельзя, — он снова покачал головой.

— Понимаю.

Настоящие писатели обладают слишком большой силой и властью. И именно поэтому им давно запрещено проводить свои схватки вне специальных арен. Там и популярность можно лучше контролировать, да и разрушений меньше оставлять после себя.

Не говоря о случайных жертвах.

Я заставил себя выпрямиться.

— Здесь кто-то был, когда я пришёл, но, увидев моего Франка, они испугались и удрали. — я умудрился встать с качелей и двинуться в сторону дома.

Аркадий сопровождал меня.

— Они? — переспросил участковый, но я махнул рукой. Я не стал сдавать Серёгу.

Он не планировал переходить к настоящей магической дуэли писателей — Боевому Методу Писателя. Да и не смог бы. Не рискнул, в отличие от меня.

Он хотел меня припугнуть, я хотел ему ответить тем же самым. Не в первый и не в последний раз.

Но в этот раз я отвлёкся и получил удар раньше, чем следовало. Сам виноват, и хорошо, что всё обошлось малой кровью. В основном моей. Хе-хе.

Тем более, припугнуть Серёгу всё-таки удалось. Я аж криво улыбнулся. В голове продолжали щёлкать секунды.

— Я пойду. Родители явно беспокоятся, уже поздно. Да и Франку нужно ложиться спать. — я уже почти не видел, куда ступаю, но продолжал идти, отдавшись мышечной памяти.

— Тебе точно не нужна помощь? — спросил в последний раз участковый.

Я сделал жест рукой, который можно было трактовать как угодно, и продолжал внутренний отсчёт, стараясь не сбиться. Если выйдет больше девяти минут — не страшно. Но если меньше — будет обидно.

В подворотне загромыхла банка, заставив меня прищуриться, но не прервать счёт. Около жёлтого пластикового мусорника раздавалась невнятная возня. Я услышал, как хриплый пропитый голос ворчит:

— Не лезь поперёк бати, Короста! А то лапки оторву!

В ответ ему недовольно запищали.

Лишь когда внутри щёлкнуло: «девятьсот шестьдесят», а затем и тысяча секунд, я открыл книгу и на ощупь нашёл нужную страницу. Буквы на ней были необычными, рельефными, и их можно было прочесть даже вслепую.

Закливание памяти.

Второй рукой я достал из сумки магические чернила и разлил по странице.

Прочитав заклинание по слогам, опираясь на буквы подушечками пальцев, словно это мои костыли, я призвал магию писателя.

Моя популярность, которая только-только начала восстанавливаться, просела вновь, упав до нуля.

Книга засияла чуть сильнее, зашипели, как змеи, чернила, а моя голова снова закружилась.

Однако в этот момент зрение немного прояснилось, и я увидел, как мой персонаж по имени Франк отсалютовал мне шпагой и медленно втянулся в книгу.

Сделав несколько глубоких вдохов, я перелистнул страницы, пропуская более ранние заметки, и открыл раздел, подготовленный мною несколько месяцев назад. До сегодняшнего вечера он был пуст, а по задумке преподавателей и должен был оставаться пустым ещё несколько лет.

Но сейчас в разделе «Мои персонажи» появился чернильный портрет молодого человека в чёрной одежде и шляпе, с серебряной шпагой на поясе. «Франк, идущий по запаху смерти» гласил заголовок.

Судорога радости огрызком улыбки скользнула по лицу.

На первый взгляд ничего необычного: рисунок и рисунок, книга и книга. Вот только за такой рисунок даже гораздо более известные авторы могут сломать конкуренту ноги.

Разумеется, используя для этого совершенно законные меры вроде услуг литературных ганста, заявления о плагиате или даже о нарушении правил МагКомНадзора.

Ведь дело в том, что у меня в руках лежала книга автора, который ещё до поступления на первый курс, смог призвать свой первый Боевой Метод Писателя. Сила, которая могла убить его. Или прославить в веках.

Я рассчитывал на второй вариант.

Глава 1.2 Академия Сепия

Входная металлическая дверь слегка скрипнула, и я поморщился: отец просил смазать петли, и я впервые пожалел, что не послушался его. Сейчас мне лишнее внимание ни к чему.

Еле держась на ногах от усталости, вызванной применением писательской магии, я зашёл внутрь, быстро разулся в маленькой прихожей и, набросив куртку на вешалку поверх огромного кома другой одежды, отправился в ванную.

Мой путь лежал по узкому коридорчику обычной двухкомнатной квартиры в панельном доме мимо кухни и моей комнаты с одной стороны и родительской спальни с другой. Главное было пройти мимо родительской, никого не разбудив.

Только вот с шага меня сбил щелчок электрического чайника на кухне.

— Заходи. Заварка свежая, — сказал отец, и я, сторбившись, зашёл на маленькую, два на два, кухню.

Отец сидел за столом, и его контур было видно только за счёт уличного фонаря за окном. Перед ним стояла тарелка со свежими, хрустящими, но не ломающими зубы, сухариками и огурцами. Чайник быстро вскипел, создавая ощущение, что за окном идёт дождь.

Стена слева от отца подозрительно шевелилась.

— Ну, рассказывай, — сказал он, разлив по чашкам заварку.

— Что рассказывать? — буркнул я, но чашку принял и даже с удовольствием вдохнул запах: отец заварил какой-то ароматный сорт. Давненько такого не было.

Или мы просто редко общаемся на кухне за чашкой чая?

— Да всё рассказывай: как подготовка к поступлению? Как с практикой? Почему снова применяешь магию на улице?

От последнего вопроса я вздрогнул. Это не укрылось от отца. И от того, кто сидел в стене: на обоях мелькнула широкая улыбка.

— Как бы Аркашка ни любил тебя и ни заботился о твоей популярности, всё-таки меня он уважает больше. Сообщил о выплеске по старой памяти. Боевой Метод, говоришь? — отец будто не замечал довольной улыбки на обоях, взял сухарик, громко хрустнул им. Запахло чесноком.

— Бать, я сто раз говорил: я хочу быть писателем. Мне нравится это дело, у меня есть предрасположенность. Писатель — это перспективы...

— Писатель — это путь разочарования! — перебил меня отец. — Сколько раз тебе говорить: бои на арене ради популярности — это не литература. Не говоря о том, что нормально на этой дорожке не заработать! Ты хоть смотрел статистику? Сколько авторов вылетает и остаётся на обочине истории и жизни?

— Так ведь они авторы, а я — писатель, — тихо ответил я, заставив отца замолчать.

Особенно теперь, когда я смог призвать Боевой Метод.

Какое-то время мы вместе жевали — сухарики оказались необычно вкусными.

Вдруг отец проговорил:

— *«Алиса шла не спеша, поглядывая по сторонам, как вдруг над самой её головой раздалось мурлыканье. Она подняла глаза, и на суку дерева сидел огромный Чеширский Кот. Они поглядели друг на дружку. Алиса не знала, стоит ли начинать разговор, но вдруг Кот широко разинул пасть и улыбнулся».*

В этот же момент из стены материализовалась голова кота — что-то мне сегодня на них везёт, — и отец закинул в эту вечно довольную пасть сухарь. Кот хрипло мурлыкнул и медленно растворился в стене, оставив после себя только улыбку.

— Смотрю, ты-то продолжаешь пользоваться магией, — поддел я отца, но он меня проигнорировал.

— Почему ты не хочешь пойти моим путём? Прикладная фантастика — это же то же самое, только более предсказуемое!

— Бать, всё классно, но там нельзя писать своё.

Отец покачал головой.

— Ты же любишь научную фантастику!

Люблю. Но это не значит, что хочу провести жизнь, вычитывая чужие описания изобретений, которые чаще всего являются настолько оторванными от реальности, что даже магия с этим справиться не может.

Отец несколько раз брал меня на работу, надеясь увлечь, но ему это так и не удалось.

— Бать, я решил. Пойду в Сепию. По оценкам прохожу в Академию, книга — тоже есть, даже тратиться уже не надо. — Я похлопал по сумке, в которой лежал мой основной инструмент. — Чего ещё желать?

Отец задумался, молча изучая меня. Его глаза слегка блестели в бликах ночного освещения. Улыбка на обоях стала ещё шире.

— Покажи книгу, — вдруг попросил отец.

В любой другой день я бы легко показал ему свои труды, наработанные упражнения и официальные цитаты, которые удалось получить или купить.

Если было бы хорошее настроение — спросил совета по роману, который пишу.

Но сегодня, когда у меня случился полноценный Боевой Метод Писателя, когда на странице моей книги появился портрет Франка, идущего по запаху смерти, я не могу никому дать своё сокровище.

Даже отцу.

Кровь прилила к лицу, сердце забилося бешеным барабаном, и я не заметил, как прижал сумку к себе, а пальцы затарабанили по обложке.

Кухоньку залил яркий зеленоватый свет — оттенок моего магического потенциала — показывая, что я готов использовать магию в полную мощь.

В эту же секунду из стены вырвался мощный Чеширский кот и его улыбка стала ещё шире. Только теперь из неё торчали кривые клыки, способные рвать мясо на клочки.

Руки отца загорелись жёлтым, но где его книга, я так и не увидел. А ещё его глаза стали похожи на небольшие жёлтые прожекторы, отчего мне стало страшно.

Его уровень популярности превосходил мой в десятки раз. Он мог одним призывом уничтожить не только моих героев, но и мою книгу. Пусть он занимается прикладной фантастикой, но в его магии скрыта невероятная сила.

— Почему же ты не стал писателем? — прошептал я.

Мои пальцы подрагивали, и губы готовы были выкрикнуть *цитату*. Только вот отец и его Кот моментально меня разметают. Но даже понимая это, я сжимал книгу, готовый ударить.

Постой! Что на меня нашло? Только в этот момент я остановился, приходя в себя.

— Прости, — извинился я. — Устал. Не хотел тебя обидеть.

Отец ничего не сказал, лишь закинул сухарик в рот, продолжая изучать меня. Кот обернулся на хозяина и вопросительно муркнул. В отличие от персонажа Кэрролла, Чеширский кот отца не разговаривал и больше походил на обычное дрессированное животное.

Если так можно сказать про существо, живущее внутри обоев.

Получив кивок отца, кот прыгнул в стену и растворился в ней, оставив только улыбку. Глаза отца перестали гореть жёлтым, руки тоже погасли. На кухне снова стало темно.

Спустя минуту молчания он с хрютением заелозил на стуле, заставив меня вздрогнуть:

— Боевой Метод. Полноценный. Давно я его не видел. — Его глаза перестали быть видны в темноте, и только лёгкие блики выдавали его интерес. — Что ж, я надеюсь, что когда-нибудь мы с тобой смахнёмся на арене и посмотрим, кто из нас сильнее как автор.

— Писатель.

Отец помолчал.

— Писатель, говоришь? Тогда докажи это. — Он резко встал, и я от неожиданности отпрыгнул назад. — Хочешь быть писателем — иди до конца. Документы на поступление я подпишу. Но помни: завалишь вступительные или сессию — вернёшься работать со мной. Три года. Без разговоров.

Я сжал кулаки до хруста и кивнул.

— Договорились.

Назад пути нет.

Отец закинул в рот последний сухарь.

— Ну что, значит, пора спать. Время позднее, а завтра суббота — кому-то надо успеть поступить. Так что вперёд, чистить зубы и спать. Сказки на ночь почитаем завтра. Если сложится.

Он быстро покинул кухню, отправившись мыться и спать. Я же ещё десять минут сидел, пытаясь прийти в себя. Лишь убедившись, что отец закрыл за собой дверь в спальню и лёг, я быстро помылся и вернулся к себе.

Улыбка кота скользнула вслед за мной по стене, провожая до двери в мою спальню. У кого сторожевая собака, а кого — сторожевой кот.

На мою территорию он не лез с тех пор, как отец подарил мне книгу. Получив тогда по наглай морде от Курочки Рябы и подобия Бога Сета, Чешир больше ко мне не лез.

Как бы ни хотелось открыть книгу и продолжить писать, я лёг на подушку и закрыл глаза. Слишком много сил потребовала инициация Боевого Метода Писателя.

Уснул я моментально.

***

Наутро с трудом разлепил глаза и долго смотрел в потолок. Тени, что отбрасывали корпуса уличных фонарей, мрачно сжимали свои петли на люстре, словно мечтали её придушить. За окном ещё было темно.

Мне приснилась та суббота, после которой мы вернулись домой вдвоём. Без мамы. Давно я не видел этот сон.

В груди снова сжало от тоски и гнева. Если бы я тогда настоял на своём, если бы не промолчал, всё могло быть иначе! Несколько минут я лежал и дышал, отгоняя дурные воспоминания.

Когда я встал, отца уже не было. На столе лежала записка. Его каллиграфический, идеальный почерк вызывал трепет одними своими изгибами. А суть сообщения вообще заставила меня рухнуть на скрипнувший стул:

«Миша, мне нужно уехать из города на пару месяцев. Все документы лежат в верхнем ящике стола. Забирай и иди к своей мечте. И помни: у тебя есть чуйка — доверяй ей. Папа. P.S. А когда провалишься — выдам тебе самые скучные книги для работы».

— Когда провалюсь? Не бывает этому!

Подписанная заявка действительно оказалась в столе. Юридический текст, который читался как детектив — невозможно оторваться. Вот что значит Академия писателей.

А ещё на тексте стояла защита от копирования в виде печати с силуэтом каракатицы — что-то сложное, недоступное новичкам вроде меня. Но я решил, что хочу установить подобное на свою книгу. Как только попаду в Сепию.

Я не стал откладывать дела в долгий ящик: перекусил, размялся дома, а затем кратко на площадке во дворе, и помчался на остановку. До Академии Сепия ехать сорок минут.

Скрипучий синий автобус ШкоЛаз, с растянутым, как гармошка, носорогом в качестве логотипа, встретил меня запахом плохо прогоревшей солярки, потёртыми поручнями и напряжёнными разговорами.

— Думаешь, тридцати баллов хватит? А если по истории что-то спросят? А если хард сай-фай заставят вспоминать?! Я же завалю тест!

— Я слышал, что нужно пережить семь боёв, чтобы подать документы!

— Чушь, какие бои? Нам запрещают использовать магию даже на собственной кухне, а тут сразу бой? Не гони!

— Сам не гони!

В салоне было как минимум десять человек, которые также ехали в сторону Академии с желанием подать заявку на поступление. Срок подачи истекал сегодня вечером, хотя набор начался лишь в понедельник.

Слишком уж высокая конкуренция и популярность Академии Сепия. Лучшей в стране, что уж говорить.

Однако я не переживал: мои тесты и знания позволяли мне пройти в Академию без особых проблем. Поэтому я не спешил, изначально и собирался поехать в последний день, когда будет поменьше народу.

Опершись лбом о поручень, задремал. Но отдохнуть мне не дали: шушуканье на креслах передо мной было столь явным, что я вынужден был слушать.

— Думаешь?

— Точно! Я видела у него книгу! Вон, торчит!

— Я вижу, что у него торчит что-то другое!

— Фу, гадость! Лера, куда ты смотришь?

— Ты о чём?!

Пришлось открыть глаза. Девчонки передо мной прыснули, но не отвели взгляд. Та, что увидела «что-то другое», Лера, спросила:

— Ты что, в таком виде на тест едешь? — в её голосе звучала брезгливость.

Я косо глянул на свою белую рубашку, которую я нарочно оставил выпущенной из брюк, и расстёгнутую кожаную куртку.

— Я же в Академию еду, а не в цирк.

— При чём здесь цирк? — спросила подружка Леры.

— Ну, судя по вашему виду, вы воздушные гимнастки: все в блёстках и полупрозрачных платьях!

Девушки схватились за сумки, которые начали светиться белым, и запыхтели.

— Мы серьёзно относимся к выбору своей профессии! Решил, что взял в руки пустую книгу, пару раз там чиркнул и этого достаточно? Нужно иметь запоминающуюся внешность, хорошо подвешенный язык, социальные сети.

— Либо просто интересно писать, — отрезал я.

Воздушные гимнастки фыркнули и тут же выхватили свои книги, активируя магию. Судя по бледному сиянию, ни о каком Боевом Методе речи и не шло.

— Я с девчонками не воюю, — заметил я, отворачиваясь.

На меня обернулось ещё несколько пассажиров, все в дорогой одежде и с красивой укладкой, что девушки, что парни. Кто-то зашушукался, а один, в ярко-жёлтой куртке и солнечных очках, заметил:

— Текст вторичен, популярность первична — так показывают исследования. У популярных будут читать даже инструкцию для фена, — он на мгновение замолчал, а затем с ядом добавил, поправляя чёрные очки: — Хотя, что ты можешь знать о популярности видно же, что это не твой профиль.

Ему довольно закивали в ответ. Я чуть не сломал от злости поручень. Идиоты, забывшие суть Боевого Метода! Я вам покажу!

— Ты бы лучше штаны подтянул, знаменитость, — вмешался в наш разговор ещё один парень. Он был в кожаной куртке, красной с белыми рисунками бандане, с выкрашенными в чёрный цвет ногтями.

Несмотря на некоторую вычурность, он смотрелся стильно.

— В истинной литературе решает не только популярность, но и мощь самого текста, — он заговорил тихо, постепенно повышая громкость, грассируя и рыча, как байк: — *«Рёв мотоциклов заглушал все остальные звуки. Это был не просто шум, а нечто вроде всепоглощающего гула, исходившего одновременно отовсюду. Они ехали плотным строем, заполняя всю улицу от бордюра до бордюра. И каждый, кто это видел, понимал: столкнуться с ними — всё равно что столкнуться с движущейся скалой».*

В салоне автобуса раздался гул, будто к нам действительно двигалась скала из мотоциклов. Давление росло с каждой секундой, и казалось, сейчас нас сметёт, как Симбу смело стадо паникующих животных.

Мощная *цитата*, не дешёвая. Этот парень не так прост, как кажется.

Парень в жёлтой куртке и действительно смешных провисших штанах, не стал дожидаться прихода байков и проговорил свою *цитату*:

— *«Служи верно, кому присягнёшь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь — смолоду».*

Мигнуло жёлтым, вылетели буквы, и тут же в автобусе материализовался красивый солдат в форме имперских войск, который выступил вперёд, прикрывая присутствующих собой и выставленной винтовкой.

Армада мотоциклов, судя по звуку, уже была рядом. Парень в кожанке засмеялся:

— Классика растеряла мощь. Ей не выстоять!

— Серьёзно? — воскликнули «воздушные акробатки» и достали свои книги. — Популярность решает!

И заняли сторону парня в жёлтом. С их книг посыпалась пыльца, а следом и буквы.

— *«Она была фея. Одета была в сухой лист, вырезанный грубо, но с превеликим вкусом. В волосах у неё поблёскивала засохшая былинка, а на шее висело ожерелье из ягод рябины. Лицо её было самое прелестное на свете, но такое крохотное, что поместилось бы в напёрстке»!*

Тут же рядом с солдатом появилась фея и моментально очаровала своей милотой всех присутствующих. Даже рёв байков стал тише. Блин, ещё одна дорогая цитата, но сразу на двоих. Интересно.

— Выкуси! — рявкнула Лера.

Я не стал терпеть и решил подсобить любителю мотоциклов. Выхватил книгу, которая тут же засветилась зелёным. Одного этого хватило, чтобы фей сдуло, а солдат врага отшагнул назад.

Я ухмыльнулся и только открыл рот, чтобы произнести *цитату*, как автобус дёрнулся и все чуть не упали на пол.

Вызванные существа и сущности моментально развеялись.

Затем к нам в салон выглянул водитель и крикнул:

— Ещё один магический всплеск и получите запрет на использование общественного транспорта. Пожизненно. Так и популярности не будет, и времени заниматься ерундой. Это автобус, а не арена, мелкие придурки. Данные с камер передам надлежащим службам.

В салоне тут же начались жалобы и призывы никому ничего не сообщать, но водитель, ворча, сел обратно за руль и повёл ШкоЛаз дальше по маршруту.

— Спасибо, — ко мне подошёл парень в кожанке.

— За что? — удивился я.

— За помощь. Ты не успел зачитать *цитату*, но даже твоей книги хватило, чтобы победить врага. Это значит, что там, — он указал на книгу, — действительно стоящая история. А эти падалыщики, — он брезгливо посмотрел на девушек и парня в жёлтом, — только о себе думают, а не о литературе.

Он протянул руку:

— Кирилл или просто Кир.

— Миша, — подал руку в ответ.

Рукопожатие оказалось крепким, спокойным. От парня веяло уверенностью. На такого можно положиться.

За окном мелькали сначала высотки жилого квартала, затем потянулся тихий центр с парками и историческими зданиями.

После мы проехали мимо огромного стадиона, на котором висел баннер, приглашающий на схватку сезона: встречались авторы бестселлеров прошлого и этого годов. Автор «Лабиринта убегающих» против «Тёмной страсти по альбиносу». Победитель мог бы закрепить свой успех и повысить популярность на тысячу очков.

С моими двенадцатью, конечно, не сравнишь. Хотя вчера было лишь десять. И я чувствую, что он продолжает расти. Благодаря Боевому Методу.

Водитель объявил, что следующая остановка «Академия», и народ в салоне засуетился. Начали вставать, проверять сумки и документы.

Один паренёк в красной кепке с белой полоской вдруг понял, что забыл аттестат, и чуть не выпрыгнул в окно, чтобы быстрее вернуться назад домой.

Я встал у центральной двери, дожидаясь остановки. И вот только автобус замедлил ход, как у моего уха кто-то появился и прошептал:

— Я видел, чью сторону ты выбрал. Ну-ну. Неудачное решение.

А затем я почувствовал, как что-то тонкое и холодное коснулось бока через рубашку.

Глава 2. Улыбка вампира

Что-то холодное и тонкое касалось моего бока сквозь рубашку, и летний денёк перестал быть томным. Незнакомый голос прошептал на ухо:

— Я видел, чью сторону ты выбрал. Ну-ну. Неудачное решение. Ты бы ещё за готов вступился или защитников прав мадагаскарских тараканов.

Двери передо мной открылись, и я вышел из автобуса, надеясь разорвать дистанцию. Однако шедший за мной не отпустил, продолжая прижимать ко мне холодный металл.

Пришлось слегка повернуть голову. Первое, что я увидел, был фиолетовый глаз, мерцающий из-под длинной чёрной чёлки. Затем обратил внимание на бледную гладкую кожу, тёмное кольцо в брови, шрамик рядом с кольцом, чёрную полосу под глазом.

— По-твоему, лучше за эмо вступлюсь? — ответил я, двигаясь чуть в сторону, давая дорогу остальным, кто выходил из автобуса.

— Ты знаешь о нас? — удивился парень, а это был точно парень, отступая.

Металл от бока на мгновение отлип.

— Читал некролог у одного известного рецензента, — усмехнулся я, смело отодвигая его в сторону. — Слишком в узкую нишу вы полезли со своими ноющими историями.

Выходящие из автобуса странно косились на нас, но я не обращал внимания — рассматривал парня с фиолетовыми глазами.

— Мы не вымерли! И мы не ноем! — начал он возмущаться, размахивая своей книгой. Металлической.

Я видел такие в магазине, но ни разу не встречал у писателей. Мода на такие книги прошла лет пятнадцать назад. Только любители антиквариата выбирали тонкие листы металла для своей работы.

— «Не бойся смерти. Пока ты жив — ее нет, а когда она придет — тебя не будет», — процитировал я, не призывая свои силы. Всё-таки у меня есть нормальное образование — не фантастикой единой.

Парень с фиолетовыми глазами, явно линзами, поправил чёлку и резко приблизился. Его книга засияла фиолетовым, распространяя вокруг осязаемый холод.

— Если ты хочешь попасть в Сепию, тебе нужно выбрать верную сторону. Иначе — не выживешь.

— Это совет или угроза? — безразлично ответил я, положив пальцы на книгу в сумке.

— Пока совет, — ответил он, блестя фиолетовыми глазами.

Я влил каплю силы в книгу, и она снова позеленела. Мощный импульс оттолкнул эмо на метр назад, а его магия рассеялась, словно и не бывало.

Парень побледнел ещё сильнее, но сжал зубы и прошипел:

— Ты пожалеешь, что напал на члена Братства Мёртвых Писателей. Мы найдём тебя, даже если ты решишь сбежать.

— А я и не собираюсь никуда бежать.

Эмо криво улыбнулся:

— Потому что даже уползти не сможешь.

После быстро развернулся и зашагал прочь. Я же поправил сумку, огляделся и направился ко входу в Академию.

Странная встреча. Чего хотел?

Вместе со мной на остановке «Академия» вышло человек пятнадцать, и все устремились к высоким воротам. Большинство — мои сверстники, абитуриенты на тест.

Среди группы была пара взрослых, возможно, преподаватели — они за воротами сразу ушли налево и затерялись в парке, похожем на лабиринт.

Над воротами красовалась кованая решётка, изображающая Каракатицу, держащую в щупальцах перо, книгу и ключ. Символ Академии Сепия.

Молодые люди, среди которых были и мои знакомые «гимнастки» с прозрачными платьями, парень в жёлтом и чёрных очках, Кир в кожанке, и этот странный эмо с фиолетовыми глазами, все повернули направо за воротами. Так что я последовал за ними, оглядываясь по сторонам.

Я планировал поступать в Сепию, но никогда не приезжал сюда. Зачем, если время ещё не пришло? Поэтому сейчас я с любопытством изучал происходящее вокруг.

На скамейках и рядом с ними зубрили и рыдали молодые люди. Первые явно готовились к тесту, а вторые — уже пролетели мимо.

Рыдали как странные персонажи, одетые в костюмы с перьями, так и вполне адекватные ребята в обычной спортивной или деловой одежде. У всех тоска на лицах и бумаги с отказом в поступлении на руках.

В сердце закралось нехорошее подозрение: я заметил, что у некоторых отличные сертификаты об окончании школы, с высокими оценками, которые сейчас лежали как ненужная бумага прямо на траве. На них что, совсем не смотрят?

Толпа вырядившихся ребят из автобуса подошла к серому двухэтажному зданию в готическом стиле, спокойно открыла двери и исчезла внутри.

Я побежал следом и схватил ручку закрывающейся двери, но тут же меня взяли за плечо и остановили:

— Молодой человек.

Надо мной навис мощный охранник, на плече которого сидел зелёный попугай и тихо хрипел:

— Пиастры! ПИАСТРЫ!

— Да, что-то случилось? — спросил я, держась за дверь, как за спасительный канат.

— Случилось, — сурово ответил охранник. — Тебе сюда нельзя.

Он отодвинул меня в сторону, будто я ничего не весил, и встал на ступеньки к дверям в здание.

— Неужели, чтобы пройти сюда, нужно победить в бою? — Я положил руку на книгу, чувствуя, как сила потихоньку пульсирует в пальцах.

Неужели эти странные предположения в автобусе оказались правдой, и сейчас мне предстоит схватка с первым хранителем порога?

Попугай затрясся, будто в припадке, и закричал:

— Пиастры! Пиастры!

Охранник молча ткнул в неприметную бумажку, висящую на створке: «Стильный этап теста», затем в меня:

— А у тебя даже формы для заполнения сданных тестов нет. В пятый корпус, дальше по тропинке, — он указал направо.

— Спасибо! Не разобрался ещё в ваших дорожках!

Эх, бой отменяется...

— Как ты собираешься разобраться в нормальных сюжетах, если путаешься в дорогах? — резко спросил меня женский голос за спиной.

Обернувшись, я увидел девушку моих лет, в свободной юбке до колена, белом топе и коротком приталенном пиджаке поверх него. Светлые пышные волосы были заплетены в длинную косу до пояса. На кончике косы висело подобие металлического полумесяца.

— Писатель должен истоптать разные дороги, прежде чем найти свой путь, — уверенно ответил ей я. — Так что в жизни невозможно заблудиться — это просто часть дороги и сюжета.

— Забавная мысль. Но это непрофессионально и неэффективно. — Девушка смотрела неприветливо и как-то свысока.

Возможно, из-за отличной фигуры. Или милого личика.

— Зато есть уникальный неповторимый стиль. Не всем дана красивая внешность, — в ответ оценивающе изучил девушку.

— Некоторым и внешность не поможет. Не трать своё время и вали куда-то, где попроще. Здесь ты не пройдёшь со своим подходом.

— Как скажешь, — ответил я, и на лицо девушки выползла самодовольная улыбка. — Докажу, что со своим подходом я пройду где угодно.

После чего пошёл туда, куда указал охранник, игнорируя пытящую девушку.

— Если что, я Михаил Перьев! — отсалютовал я ей.

— Я запомню, Михаил. Когда буду подписывать ведомости об отказе, — раздалось мне в спину.

Чёрт, она что, здесь работает?

До пятого корпуса добрался без особых приключений: теперь, когда я знал, что ищу, мне на глаза начали попадаться указатели с чёткими инструкциями.

Здесь мне выдали анкеты и форму для заполнения на плотной пухлой бумаге, граммов сто двадцать точно, если не больше. Писать на ней было одно удовольствие.

Академия явно не экономила на таких мелочах, учитывая, какой отсев происходит на тестах.

Заполнив поля о себе и показав аттестат, я получил первый штампель: «Допуск на тесты». Оказалось, что хорошие отметки нужны только для этого.

— Почему никто об этом не рассказывает? — спросил я, проглядывая форму и предложенные на подпись документы.

— Вы как раз дошли до нужной страницы, — сообщила мне администратор и указала на нужный пункт: «Требование о неразглашении».

Ох, ну и пункт! Благодаря ему я даже спустя сто лет после смерти не смогу рассказать кому-то, кроме выпускников Академии, о том, как проходит учёба в Сепии.

В том числе и о тестах на поступлении.

Серьёзная защита.

Затем я двинулся по маршруту, указанному в бумагах. Меня ждало пять испытаний. И первым делом нужно было показаться в корпусе номер три.

Внутри меня встретила идеальная тишина. Два десятка человек стояли в зале, похожем на бальный, глядя на круг, подсвеченный софитами. В этом кругу стояла симпатичная девушка с изящным профилем и с закрытыми глазами.

Чёрные волосы были уложены в, на первый взгляд, простую причёску, но для создания которой потребовались бы часы работы стилиста.

Одета она была в униформу Академии: чёрная юбка, белая рубашка, приятно обтягивающая грудь, графитово-серый пиджак с белым логотипом Каракатицы на грудном кармане.

Стоило мне войти в зал, как высокие двери за моей спиной драматично захлопнулись, отсекая шум с улицы, погружая помещение в окончательную тишину, как в склепе.

— Наконец-то все в сборе, — сказала девушка, не открывая глаза. — Меня зовут Эрин Найтвинд. Меня попросили провести ваш первый тест. Проверить своих будущих однокурсников.

Она улыбнулась, обнажая идеально белые зубы и... заточенные клыки. По залу пробежала дрожь, которая тут же затихла.

— Мне лень тратить своё драгоценное время на ваши унылые попытки написать что-то толковое и дешёвые общедоступные *цитаты*. Поэтому предлагаю всем простой и понятный тест: кто сможет сдвинуть с места моего персонажа — тот пройдёт дальше. Если нет — выход как раз там же, где и вход. Принимайте решение. У вас минута.

Зал взорвался возмущением, паническими выкриками, угрозами. Но Эрин Найтвинд стояла в кругу света всё так же, закрыв глаза.

— Что происходит? Кто это вообще? — спросил я у парня рядом.

— Кто это? Ты вообще литературой занимаешься или так, погулять пришёл? Это же Найтвинд — самая молодая авторка, достигшая пятисот очков репутации. И это ещё до зачисления! Она первокурсница, как и мы!

— Авторка? — удивился я, но меня проигнорировали.

— Не хочу терять шанс. Попробую в следующий раз. Психов тут навезли. Она же в своих книгах прописывает только красивых моральных уродов. Как с такими воевать? — слышал я вокруг, хмуро наблюдая, как в зале становится пусто.

Наконец движение затихло, и Эрин выдохнула:

— Ну, все ушли? — спросила она в пространство, так и не открыв глаз.

Сбоку к ней подошла другая девушка, держащая в руках чёрную, как смоль, книгу с серебряными вставками и блестящими красными и фиолетовыми камнями, похожими на рубины.

Она протянула книгу Найтвинд.

— Призывай своего героя, — сказал я громко. — Хочется посмотреть, что ты там выдумала такого оригинального, что все в шоке. Надеюсь, что-то интереснее, чем иностранный псевдоним.

Эрин дёрнулась, но резко схватила книгу из рук помощницы. На пальцах засияла фиолетовым магия, тот же цвет разлился по обложке книги.

— Выходи в круг, — сказала её помощница. — Покажи своё лицо, если не трусишь.

— Это говорит та, кто даже глаз открыть не может, опасаясь увидеть противника. — Я остановился на самой грани между светом круга и тьмой зала. — За писателя говорят его истории, а не его пафосная поза на сцене.

— Назови себя!

— Михаил Перьев, писатель! Прошу любить и жаловать.

Девушки напротив хмыкнули, за спиной раздались жидкие аплодисменты: со мной осталось всего двое, остальные ушли.

— О, у тебя уже есть фанаты. Может, даже дадут пол-очка популярности, — рассмеявшись в голос, сказала помощница Эрин.

Я достал книгу, и она загорелась зелёным светом.

Эрин подняла руку:

— Спокойнее, Беатриса. Пусть покажет, что умеет. Мне всё равно пора кормить своих питомцев.

Она хищно улыбнулась и процитировала:

— *«Он был одет в темно-зелёный костюм, и его лицо, обрамленное черными волосами, было особенно бледным и поразительно красивым. Лицо притягивало к себе внимание, но больше всего притягивали внимание его глаза. В свете неоновых ламп они казались красными... Он смотрел прямо на меня через зал, и я почувствовала, как взгляд его приковывает меня... Я ощутила странное томление и ужасную, сладкую слабость... Мне хотелось лечь перед ним, расставить ноги и... Он медленно поднес руку к губам, и я увидела красный огонек в его глазах и белые острые клыки, блеснувшие между алых губ».*

В ту же секунду передо мной появился женственно-красивый мужчина в обтягивающем зелёном костюме, а его клыкастая улыбка, казалось, сейчас разрежет пространство.

Даже на мой не самый профессиональный взгляд становилось понятно, что для вызова столь плотного мощного существа нужно потратиться.

Она вбухала очков пятьдесят, не меньше, что почти в четыре раза больше моего общего запаса. Однако был нюанс.

— Хороший персонаж. Неплохо использовали Стокера. Классика не увядает.

Сказав это, я увидел, как перекосило лицо Найтвинд. Она что, думала, что я не узнаю слегка переиначенную фразу из «Дракулы»? Что за наивность?! Её аудитория схавала и не заметила почти дословный плагиат?

За такое, вообще-то, в приличном обществе штрафуют, а иногда даже казнят.

— Твой ход, Михаил. — Однако выдержки Эрин было не занимать: она подняла руку в изящном, отрепетированном движении. — Выбирай, с какой цитатой ты провалишься.

На секунду меня накрыло раздражение, но я быстро взял себя в руки. Слишком простая манипуляция.

К тому же, если я покажу сейчас Боевой Метод и своего Франка, слишком рано раскрою карты, плюс навлеку на себя проблемы. Так что придётся хитрить и использовать знание классики.

Я начал размышлять вслух:

— Я так понимаю, что это твой тип мужчин. — Я покосился на возникшего передо мной гламурного Дракулу. — При этом ты сама даже посмотреть на него не можешь?

Усмехнулся, видя, как скрипнула зубами Беатриса.

— Заканчивай балаган и дай место следующему идиоту.

За спиной у меня кто-то рыкнул, но в полумраке было непонятно, кто именно из двоих оставшихся.

— Раз ты «переиначиваешь» классику, — я не стал говорить жёсткое «плагиат», — значит, и у твоего персонажа те же проблемы, что и у его прародителя.

Едва заметил, как Найтвинд побледнела. Или мне показалось?

— Давай призовём кого-то, похожего на его друга.

Я достал книгу, взял в руки шариковую ручку, чем вызвал усмешки впереди и позади себя. Не каждая цитата хранится в книге, но, если я хочу использовать её для тренировки и тем более боя — она должна появиться в ней.

Не мешкая, я по памяти записал на отдельном листе *цитату*. Классно было бы использовать Стокера, но у меня не было лицензии.

Невозможно купить всё, что есть на рынке. Плюс, некоторые авторы вообще не продают *цитаты*.

Кстати, Стокер — один из таких.

Я выпрямился, оставаясь на границе между светом и тьмой, и лишь зелёное свечение моей книги бросало блики на моё тело, подчёркивая мистическую основу нашего испытания.

Глянув в книгу, я тоже закрыл глаза, как и Найтвинд, начав читать вслух:

— *«Был я прежде слугою дьявола, знал все хитрости бесовские, все пути преисподней. И когда пришел ко Христу, то знание сие обратил я на пользу: ибо какой воин будет сильнее того, кто знает все планы вражеские? И бесы, видя меня, в ужасе бежали».*

В то же мгновение в зале пронёсся порыв ветра, и передо мной появился мужчина. Потёртая монашеская сутана, простой посох в руках, деревянный крест на груди.

Он был не таким плотным, как вампир Эрин, но даже вызов этого персонажа сожрал сразу восемь из двенадцати моих очков популярности. От скорости потери сил я покачнулся, но устоял.

— Забавно, — произнесла Эрин, шумно втягивая воздух носом. — Я предполагала, что ты позовёшь Ван Хельсинга, но, чтобы какого-то монаха из древних притч. — Она засмеялась. — Понимаешь... Ладно, просто покажу, где ты ошибся.

Девушка, наконец, встала со своего стула, махнула рукой, которая покрылась фиолетовой энергией, и отдала приказ:

— Стоять насмерть! — А затем тише, змеиным шипящим голосом добавила: — Добудь кровь для Госпожи, не сдвинувшись с места.

На мгновение зал погрузился во тьму, а затем мощный вампир засиял передо мной, как гламурная скала. Он горел фиолетовым светом: его глаза, кончики пальцев, едва заметная аура.

От него шла энергия превосходства, уверенности и, чего там скрывать, какой-то извращённой сексуальности.

Найтвинд за его спиной провела языком по заточенным клыкам.

— Поиграй с ним. Ради своей королевы, — прошептала она страстным голосом.

Беатриса, её помощница, стояла рядом и, казалось, сейчас бросится под ноги этому выдуманному чмырю, настолько восторженный взгляд был у девушки.

Да, вкусы у них странные.

Свет от вампира давил, проникал в тело, как яд, заставляя терять концентрацию и силы.

— Чего ждём, Перьев? Покажи оставшимся, где выход из этого зала.

Уже этого хватило, чтобы мой монах закачался, будто от сильного ветра — такова была сила персонажа Найтвинд и его популярности.

Ещё один такой приказ, и я проиграю, не сделав и шага. На этом закончится мой тест.

Я хмыкнул.

— С удовольствием!

Зелёный свет моей магии мягко распространился по моей половине импровизированной арены. Монах, молча сложивший руки на груди, тихо шептал молитвы.

Враг превосходит меня в пятьдесят раз, и, судя по тому, что она даже нормальную *цитату* для приказа не использовала, опытная в боях.

И это первый тест на то, чтобы просто попасть в Академию! Что дальше? Петра позовут, чтобы проверить ученика?

Отогнав мысли, я сосредоточился на арене.

— *«Был я прежде слугою дьявола, знал все хитрости бесовские»*, — повторил я часть цитаты, но уже как приказ.

Я не в первый раз выхожу против более опытного и сильного противника. Иногда выигрывал, иногда проигрывал. Однако понял одно: они всегда не учитывают один нюанс.

Силу настоящей литературы.

Остатки сил покинули моё тело, и я чуть не упал на колени. Использование магии писателя — это почти как раскидываться собственной кровью. И, по ощущениям, я слил литра два.

— Какая ограниченность, — с наигранной печалью прошептала Эрин, однако её услышали все. — Мне даже не надо

Что ей не надо она не успела сообщить: монах, только что стоявший перед её вампиром, преобразился. Сутана и капюшон слетели, обнажая мощную грудь и простой деревянный крест на тонкой грубой верёвке.

Вместо пальцев у него появились когти длиной сантиметров десять, похожие на боевые изогнутые ножи.

Монах, теперь больше похожий на берсерка, бросился на вампира. С того сразу слетел весь гламур, и он яростно зашипел.

Звуковая волна задержала монаха, но тот взмахнул рукой, прорезая её и продираясь вперёд.

Найтвинд вскочила со стула и выкрикнула другую цитату:

— *«Вцепившись ему в горло, он в мгновение осушил нападавшего. — Никто не тронет моё»*, — сказал он сексуальным тоном, от чего по мне побежали огоньки страсти».

— И это нравится девушкам?! Что за стокгольмский синдром?! — возмутился я, вызвав ещё больше шипения. К вампиру присоединились девушки напротив.

В этот момент монах прорвался ближе и взмахнул когтями, атакуя вампира. Некротическая тварь выставила руку и приняла удар на предплечье. Выступила кровь, которая тут же тянулась обратно в бледное тело.

— Ты вообще не разбираешься в современных вампирах, неуч? — выкрикнула в мою сторону Беатриса.

Я промолчал, сосредоточившись на своём монахе. Сейчас, когда он выполняет мой приказ, нельзя отвлекаться.

Ещё несколько ударов монаха с когтями не дали толку: вампир защищался и не двигался назад. Несколько раз он даже пытался вцепиться в монаха клыками, но тот уворачивался, словно предвидел нападения.

А затем произошло то, что должно было. Монах прокричал хорошо поставленным голосом:

— Во имя Отца! И Сына! И Святого духа!

Каждая фраза сопровождалась размашистым ударом. С когтей срывались яркие серпы света, которые пробивали вампира практически насквозь.

Найтвинд опешила, но тут же начала шептать цитаты, тратя на это уйму энергии, однако несколько ударов лишили вампира преимущества.

Когда же монах пропел: «Аминь!», в зале на мгновение стало светло, а вампир, вскинув руки, начал рассыпаться в пепел.

— Он не боится солнца! Что за подстава? — вскинулась Эрин, не веря, что её детище не просто отступило, а было побеждено так быстро.

— Всего лишь знание физики и, — я поклонился монаху, который тяжело дышал, наблюдая, как на его руках исчезают когти, — немного святого урона.

Помощница Эрин выскочила на арену и оказалась рядом с монахом, быстро его оглядела.

— Уверена, что у тебя нет лицензии на такого мощного персонажа. Плагиатишь? — наехала она.

А ведь буквально несколько минут назад я подозревал то же самое у Найтвинд.

— Кто бы говорил. Сами-то Стокера в хвост и гриву. Получили у него разрешение?

Эрин фыркнула и отозвала свою магию, заставляя пепел, оставшийся от её гламурного вампира на арене, исчезнуть.

Мой монах облачился в рясу, перекрестился и исчез, как только я сделал завершающий жест: резко сжать кулак на уровне сердца, а затем опустить, словно кидая пыль в пространство.

— Экзаменатор, я прошёл ваш тест. Поставьте вашу печать — мне ещё остальные тесты сегодня проходить.

Ответом послужил смех.

— Остальные тесты? Сегодня? — хихикала Найтвинд. — Много ты о себе возомнил. Ещё никто не смог сдать все тесты за один день.

— Приятно быть первым, — ровно ответил я. — Так что прошу не затягивать — время — это знаки в рукописи, — закончил я, протягивая документы на подпись.

И стараясь не показывать виду, что мои силы на нуле, и я сейчас могу упасть. Главное — широко улыбаться.

Если и дальше будут такие бои на тестах, то мне каюк. Вдвойне каюк, если я не успею сегодня пройти все тесты. Почему никто не предупредил, что здесь экзамены растянуты на несколько дней? Опять правила о неразглашении?!

Но теперь, как бы ни обстояли дела на самом деле, я точно должен сдать все тесты за сегодня. Как минимум, чтобы эта Эрин утёрлась.

Ах, да. Ещё чтобы поступить в Академию и реализовать свою мечту. И не работать на отца три года.

Мне стало интересно, чему могут научить в месте, в котором экзамены на поступление сложнее, чем официальные бои в некоторых лигах.

Академия Сепия — жди! Я покажу, что значит быть настоящим писателем.

Глава 3. Много зубов

— Вали, — вырвал меня из мыслей голос Эрин Найтвинд.

Она успела поставить штамп в графе «Первый тест» и, отвернувшись в сторону, сказала:

— Удачи.

Только звучало это как пожелание мучительной смерти на протяжении ближайших столетий.

Обойдётся.

Кстати, ради штампа ей пришлось открыть глаза, и они оказались зелёными. А я думал, будут фиолетовыми, под стать её магии.

Хотя зелёные к её чёрным волосам и ведьминской фигуре тоже идут.

— Увидимся! — махнул я рукой, выходя за спину Найтвинд, но меня проигнорировали.

Прежде чем закрылась дверь, я услышал, как Эрин и Беатриса зовут следующих претендентов:

— Кто из вас двоих смертников хочет рискнуть своей головой первым?

Ответа я не услышал.

Зато понял, что резко восстановил два очка популярности. Видимо, я действительно произвёл впечатление на тех двоих.

Теперь пора вернуться к любителю попугаев и второму этапу. Если у меня всего день на то, чтобы сдать экзамены... нужно поторопиться.

Ещё на регистрации я спросил, как проходить экзамены, и мне сказали, что только последовательно, как указано в документах.

А я ещё думал, почему так мало людей было на приёмной комиссии. Все пришли раньше.

Вернувшись к зданию в готическом стиле, я успел немного отдохнуть и восстановить ещё три очка популярности.

У корпуса я вновь встретил охранника. Его попугай орал про пиастры, но в этот раз меня пустили без вопросов.

Внутри меня ждала небольшая баррикада: две парты перегородивали проход в коридор. Прямо захотелось с разбегу перепрыгнуть, как в школе.

За столами сидели две бабушки возрастом примерно с пирамиды в Египтусе, выслушивая тощего, как швабра, паренька.

Судя по мокрой майке, тот слегка нервничал.

— Это было ужасно. Думаю, тебе стоит подготовиться лучше, — сказала правая бабушка в красном костюме и шляпе с изящной вуалью.

— А то в таком виде тебя не пустили бы даже в низшую Лигу, не говоря про Сепию, — добавила вторая, которая была одета в зелёный костюм, а её шляпка лежала на столе и выглядела как торт.

— Вы меня в третий раз отсылаете! А впереди ещё два экзамена, я не успею!

— Следующий! — объявили они, проигнорировав возмущение пацана.

Но когда он сделал шаг ближе к партам, за которыми они сидели, тут же, как джинн из бутылки, возник охранник, положил руку на плечо парня, и тот, обмякнув, потащился на выход.

Никого, кроме меня, больше не было, поэтому я подошёл к столу.

— А ты на что рассчитываешь? — резко спросила бабушка в красном. — Хоть причесался бы!

— Из-под пятницы суббота торчит.

Я оглядел себя, потом заглянул в документы. А, экзамен на внешнюю стильность и самопрезентацию. Кто бы мог предположить, что писателям нужно думать о такой ерунде.

Видимо, я видел рыдающих именно с этого экзамена. Судя по всему, они надеялись впечатлить старушек перьями в самых неприличных местах.

Изучив нахмуренные лица экзаменаторов, я вздохнул.

— Три минуты на подготовку.

— Мы не торгуемся, моло...

Я не дал ей закончить, а просто отвернулся и отошёл к дверям. Здесь я скинул куртку, сумку, причёсался, приводя растрепавшиеся волосы в подобие порядка.

Сейчас не нужен идеал, но нужна яркая подача.

Хорошо, что отец разрешил использовать его *цитату* в своих целях.

Я улыбнулся, предвкушая шоу.

Собравшись с силами, я легко использовал пару очков популярности, призывая сущность. Тут же на стене появилась довольная широкая улыбка, а я, сделав чуть серьёзным лицо, двинулся вперёд по коридору к бабушкам.

— Дамы, позвольте поприветствовать! — низким баритоном сказал я.

— Он что, думает, произведёт впечатление одним взглядом? — возмутилась та, что в зелёном.

— Нет, он хочет с треском вылететь из дверей, — кровожадно добавила в красном.

Тут же рядом с ней появился охранник. Он что, не человек, а персонаж?

Но я не сбился с шага, а когда охранник пошёл мне навстречу и протянул ко мне руку, объявил голосом конференсье:

— Прыжок!

Из стены передо мной вырвался Чеширский кот, пролетел мимо охранника, чуть его не сбив, и исчез в противоположной стене.

— Ещё!

Чешир прыгнул обратно, успев полоснуть охранника по руке. Попугай в испуге закричал про пиастры.

Чем ближе я был к бабушкам, тем быстрее шёл и чаще прыгал Чеширский кот, отгоняя от меня охрану.

И вот за два шага до стола я замер, положил руку на книгу и позволил моей магии струиться из книги по телу.

Коридор заполнил зелёный цвет, мягко растёкся по стенам, полу и потолку. А затем Кот выскочил за моей спиной, навис над головой, показывая острые изогнутые клыки.

Бабушки от неожиданности вздрогнули и схватились за шляпки.

— Вот уродина!

— Чтобы ему пусто было.

А затем хором:

— Зачёт!

В смысле? Так просто? И даже бить не будут?

Бабушки уже улыбались и протягивали руки, чтобы погладить приземлившегося на парты «Чешунчика, котика-обормотика, лапочку-кровожадинку» и так далее.

Хотя он походил сейчас на ацтекского кровавого бога, у которого кривые зубы довольно торчали в разные стороны.

Полапав кота прежде, чем тот исчез, они попросили формуляр для заполнения. Радостно щебетали, что кто-то помнит классиков, но умеет совмещать с современным подходом и вообще, что только эклектика создаёт что-то новое.

«Слишком просто», — подумал я. Но подвоха не оказалось — меня пропустили внутрь, где через несколько поворотов коридора я натолкнулся на небольшую толпу.

Уже из коридора я увидел пару своих знакомцев из автобуса, а также их бледные и перекошенные от страха лица.

Осмотревшись, я понял, что они ещё неплохо держатся: прямо посреди зала на короткой привязи сидел дракон и прямо сейчас жевал одного зазевавшегося парня.

Чёрный с золотистыми глазами дракон упирался башкой в потолок и жевал флегматично, как корова. Только у этой коровы были крылья и полная пасть острых зубов.

— Следующий, — лениво объявил мужчина за столом.

На мгновение я потерял дар речи: дракон запрокинул голову, раскрыл пасть и проглотил бедного абитуриента одним глотком.

В зале повисла тишина. Все старались не шевелиться, чтобы не привлекать внимания монстра и скучающего экзаменатора.

Мужчина за столом погладил себя по изящной эспаньолке, подходящей испанскому дону, а затем сложил руки на груди, откинувшись на спинку стула.

Дорогой пиджак с широким лацканом изящно обтянул подкачанную фигуру — такой человек может не только магией ударить, но и пудовым кулаком.

И не обязательно по столу.

— Как видите, его метод оказался недостаточно эффективен, — скучающим голосом лектора прокомментировал мужчина. — Попробуйте что-то иное.

Оглядев зал, я понял, что здесь уже нет Кира, «гимнасток» и эмо. Хочется верить, что Кирилл прошёл, а не попал в желудок этой твари.

Зато остался парень в жёлтом, который сейчас дрожал, вжавшись в каменную вазу у дальней стены.

Он сжимал солнечные очки в кулаке, вытирая выступивший пот кулаком. Но тут очки выскользнули и с глухим пластиковым треском упали на мраморные плиты.

Чёрный дракон тут же повернул голову, его золотые глаза сфокусировались на цели, и тварь рванула на жёлтого.

— Испытание началось, — констатировал экзаменатор, не поднимая головы от документов на столе.

Его рука не дрогнула, ни когда дракон заревел, выпуская струю огня, ни когда огромная башка врезалась в стену, разрушая кладку.

Помещение затянуло пылью, мелкая каменная взвесь царапала горло.

Я закашлялся, активируя книгу. Зелёный свет создал небольшое пространство, свободное от последствий чужой магии.

Вдруг взвыл воздух, блеснул ярким светом меч паладина, и дракон взревел от боли.

— *«Ты не пройдёшь!»* — кричал парень в жёлтой куртке, размахивая клинком.

Несмотря на потешный вид, сила от парня исходила серьёзная. Он одновременно пользовался двумя разными *цитатами* — потому что в Мории не было меча паладина — совмещая их в одну боевую конструкцию.

— А ты неплох, — крикнул я. — Для цыплёнка!

Жёлтый дёрнулся, отвлекаясь на мой голос, его меч побледнел. Дракон, увидевший это, тут же бросился вперёд, но снова промахнулся и ударился в стену.

Жёлтый ловко ускользал, как эльф по снегу, заставляя массивного ящера бороться со стенами своей головой.

Иногда парень наносил удары по лапам, животу, морде. На толстой шкуре с шипением выступала кровь, испаряясь в воздухе, наполняя его вонью железа и смерти.

Дважды дракон стрелял огнём, но каждый раз струя становилась тоньше и короче.

Пока жёлтый не подскочил совсем близко, оказавшись прямо под драконом. Если бы тварь решила упасть на него, то от парня осталась бы лепёшка.

Но бой забрал все силы, так что существо не успело среагировать: жёлтый с криком махнул мечом, отчего оружие удлинилось, отсекая голову и заставляя ту кинематографично вращаться в полёте.

Как только башка с влажным шмяканьем врезалась в парня, сбивая его с ног, раздался хруст, будто в нём сломали все кости. А тело дракона задрожало и медленно растворилось, утекая к столу экзаменатора.

— Ты умер, но получил зачёт, проходи, — сказал он, не поднимая головы.

Махнув ручкой, он указал на дверь за своей спиной.

Жёлтый тяжело дышал и казался цыплёнком табака под огромной башкой дракона. Она всё никак не исчезала. Куртка парня прогорела в двух местах, но его взгляд обжигал не хуже драконьего пламени.

— Ты! — Он ткнул в меня пальцем, выбираясь из-под туши, хромая на обе ноги. — Ты отвлёк меня!

— Думаешь, на арене все будут благоговейно молчать? — спросил я с невинным выражением лица. — Лучше поблагодари, что готовлю к реальной жизни Боевого Писателя.

— Да я тебя!

— Не задерживайтесь, — сказал тихо экзаменатор, но нас чуть не уронило на колени от его силы.

Жёлтый бросил на меня последний взгляд, полный ненависти, после чего исчез за дверью.

— Вы следующий, — вдруг сказал мужчина, указав на меня. Теперь он пристально изучал мою милую персону.

— Эй, тут очередь! — начала было возмущаться девушка, но её быстро осадили.

— Выживете, пока он будет бороться — и я вас пущу дальше. Понятно?

Экзаменатор даже не повернул голову в её сторону, но девушка с писком закивала.

Я же пожал плечами.

— Я только «за» ускорить процедуру. У меня ещё много дел. Спасибо.

— Спасибо? — хмыкнул вдруг препод. — Что ж, посмотрим, как будет работать ваш длинный язык во время испытания.

Он одним движением пальца распахнул свою книгу, произнёс невнятную скороговорку, и книга засияла ослепительным жемчужным светом, а затем в помещении появилась...

Гидра.

— Работайте, — сказал он, переключив всё внимание на документы на столе. Словно мой экзамен для него перестал существовать.

Несколько секунд, пока новоявленная тварь привыкала к реальности, я изучал её.

Три головы; шеи, длинные и толстые, как брёвна; лапы, похожие на бочонки; серо-зеленоватая кожа; и длинный тяжёлый хвост для баланса.

Может бить хвостом, как хлыстом, кусать с разных сторон тремя головами, топтать лапами. А судя по зелёным испарениям вокруг когтей и пастей — ещё и ядовита.

Так, а я точно в Академию поступаю, а не записался в Убийственный легион?

Идея поработать на отца три года уже не казалась столь отвратной... Стоп-стоп-стоп. Три года работать в скучном отделе или убить дракона? Выбор очевиден!

Остальные участники экзамена, в том числе девушка, которая возмущалась, что я вне очереди, вжались в стены, стараясь не дышать.

Один паренёк даже побежал в сторону входных дверей, но ему преградила путь магическая решётка.

— Только через свой труп, — сказал экзаменатор, поглаживая эспаньолку, но не поднимая глаз.

И снова использовал магию без внятной *цитаты*. Что за монстры здесь принимают абитуриентов?!

Гидра наконец сфокусировала взгляд, и мне, если честно, это совсем не понравилось.

Ибо она посмотрела точно на меня и усмехнулась той киношной улыбкой, которая говорит: «Какая прекрасная закуска! Я как раз голодна!»

Тварь сделала неуклюжий шаг, но пол затрясся под ней. Замурчательно, она ещё и просто раздавить может, без дополнительных усилий.

Что ж, против массы и силы всегда есть ловкость и интеллект.

Жаль, что у меня только три с половиной очка популярности сейчас. Придётся немного потянуть время и... повыпендриваться.

Так что, папочка, не дождёшься ты блудного сына.

— *«Во глубине сибирских руд Храните гордое терпенье»*, — прошептал я, начиная свой танец вокруг громадины.

Я старался двигаться быстро, бегая и прыгая из угла в угол и касаясь рукой стены. На них оставались едва заметные метки, забирающие у меня по пол-очка популярности.

Старался не задерживаться в разных точках. Чтобы запутать гидру, чтобы не подставиться под удар.

Следующие минуты — или часы — превратились в испытание на выносливость и смекалку.

— *«Не пропадет ваш скорбный труд И дум высокое стремление»*. — Ещё половинка очка.

Гидра атаковала разными частями тела, изрыгала яд, орала дурным голосом и пыталась меня затоптать.

От её ударов крошились стены, ломались студенты, вылетая в окна и двери, чтобы попрощаться с экзаменом.

— *«Несчастью верная сестра, Надежда в мрачном подземелье»*... — Ещё капля репутации.

Я же уворачивался, крутился и пытался не превратиться в консервированную ядом лепёшку.

Несколько раз хвост пролетал в сантиметрах от моей головы. Ядовитое облако, которое испустила Гидра, пришлось проходить насквозь, не дыша, ожидая, когда смогу продолжить читать *цитату*.

Ну или ожидая смерти от отравления.

— *«Разбудит бодрость и веселье, Придет желанная пора»*, — продолжал я тихо бормотать, чувствуя, как книга в сумке наливается ярким огнём, греет бок, готовая выплеснуть магию по моей команде.

— Эй! Ты писатель, а не гимнаст, — крикнула девчонка, которую я опередил в очереди.

Крикнула она ровно в тот момент, когда мне действительно пришлось прыгнуть, чтобы уклониться от удара лапой и зубами крайней головы.

Ох, не зря разминался утром, не зря.

Через две секунды, пока я отлетал в сторону, чтобы не попасть под очередной удар, экзаменатор, не повысив голоса и не отвлекаясь от своих бумажек, сказал:

— Готовьтесь, вы после него. — Девушка побледнела, но мужчина добавил: — Но в целом она права: здесь не танцевальная студия.

Я не обратил на них внимания:

— *«Любовь и дружество до вас Дойдут сквозь мрачные затворы, Как в ваши каторжные норы Доходит мой свободный глас»*.

Сразу целое очко репутации и очередной уворот с прыжком, уйти от хвоста, прикрыть голову от осколков камня, которые посыпались после удара Гидры по стене.

По рукам текла кровь, саднило шею, ноги едва гнулись от усталости. Лёгкие, казалось, вывернули наизнанку, а теперь они пытались остудиться, но всё безуспешно.

Однако это уже не было важным: я закончил подготовку. И получил ещё одно очко от испуганных зрителей.

И как только Гидра в очередной раз шагнула ко мне, готовая разорвать меня сразу тремя пальцами, я выкрикнул максимально громко:

— *«Оковы тяжкие падут, Темницы рухнут — и свобода Вас примет радостно у входа, И братья меч вам отдадут!»*

В ту же секунду я потерял два очка разом, и по всему залу, во всех углах и траекториях, в которых я побывал, возникли тонкие нити, которые через мгновение стали тяжёлыми цепями.

Они лесом закрыли проход для Гидры, заковывая её в узкое пространство.

Ещё через мгновение — и одно очко популярности, осушающее меня в ноль, — у меня в руке появился клинок. Он сверкал бело-синим, словно отражая лунный свет.

Блик попал в глаза Гидре, и она на секунду ослепла.

— *Пры-ыж-жок!* — крикнул я с какой-то детской радостью и понёсся на закованную в цепи тварь.

Гидра замахала головами, сплёвывая ядовитую слюну, пытаясь попасть по мне вслепую, кусая пространство и врезаясь в стены и пол мощными челюстями.

Но я уворачивался, иногда нанося раны светлым оружием. Сегодня, кажется, какой-то святой день.

Я не стал отрубать Гидре голову — все мы знаем, что на месте одной вырастет ещё три. К тому же, я пусть и писатель, но летать не умею, а головы у твари на высоте нескольких метров.

Так что действовал по старинке: с разбегу врезался в грудь монстра и воткнул меч по самую рукоять. Я влил все оставшиеся силы — физические и магические — в атаку, и волны бело-синего света ударили в тело Гидры.

Тут же последовал отклик: массивное тело задрожало, по рукам полилась густая кровь с неприятной болотной вонью.

По мечу прошёлся удар, а затем ещё один. Только на третий я понял, что это судорожно бьётся сердце Гидры.

Так что я провернул меч, стараясь засунуть его ещё немного глубже.

Запрокинув головы от боли, Гидра заверещала, дёрнулась, а затем... рухнула сверху вниз, чуть не прибив меня своим весом. Спасла сама туша твари, прикрывшая меня от головопада.

Через пару секунд туша поплыла и втянулась обратно в книгу экзаменатора.

Однако её кровь осталась на моих руках, и я, пользуясь паузой, тут же достал свою книгу и провёл небольшой ритуал: кровь втянулась в неё.

Только после этого выдохнул и сел на пол, прислонившись к ледяной стене спиной. Ох, не зря отец гонял на тренировки. Кто бы мог подумать, что придётся так скакать.

А ещё говорят: у писателей простая работа. Ага, как же.

Экзаменатор, увидев, как кровь его Гидры растворилась в моей книге, скривился:

— Неприятный вы молодой человек. Ещё не поступили, а уже трофеи собираете.

— Отец учил, что нужно пользоваться каждой возможностью, — ответил я, убирая книгу за спину.

Если он вдруг вызовет ещё дракона, то я не справлюсь. Но и отдавать кровь не собираюсь.

— У вас мудрый отец, — проскрипел сквозь зубы мужик с эспаньолкой. — Зачёт.

— Эй, а почему другим не давали взять трофеи? Лера с Кристиной тоже победили, но им вы отказали! — возмутилась девушка, которая должна была быть передо мной.

Мужчина положил руки на книгу, и та засияла жемчужным светом. Зал замолк.

— Потому что он выжил сам, а не победил монстра ценой своей жизни. Это значит, что у него, как персонажа, есть все шансы стать главным, а не второстепенным. В какой книге главный герой погибает на первом же испытании?

В смысле выжил? А можно пройти экзамен умерев? Хотя, Жёлтому он так и сказал: «Умер и зачёт».

Кстати, Жёлтого я встретил, когда вышел с противоположной стороны здания. Он сидел на скамейке, вздохмаченный и без очков. Хе-хе, а ведь его раздавил башкой умерший дракон.

— Прошёл? — сплюнув, спросил он. — И как тебя убили?

Я пожал плечами.

— Никак. Я выжил.

Серые глаза парня сузились.

— Бреешь.

— Как дышу. Призвание такое. — И покачал книгу в руках.

Кстати, книга парня лежала рядом с ним на скамейке. Добротная кожаная обложка с тиснением: скрещенные мечи, щит, голова то ли льва, то ли мантикоры. Дорогая штука. У нас квартира чуть дороже.

— Я на порядок превосхожу тебя по подготовке, — жёлтый положил руку на свою книгу, и та засияла приятным жёлтым светом, — и всё равно был смертельно ранен трупом дракона. А ты выжил?

— Повезло, — пожал я плечами. — Гидра оказалась хилой.

— Гидра? — побледнел жёлтый, чуть не раздавив солнцезащитные очки в кулаке.

— Ага, симпатичная такая. Думаю, что ей у нас жарковато, она больше к болотам привыкшая. Ей бы на наш Север смотреться.

— Аристарх Петрович как раз из Северной Пальмиры. Но Гидра, — он покачал головой. — Ладно, хрен с ним. А вот с тобой — нет! Как только сдам экзамены — раскатаю тебя! Сейчас времени нет!

— Без проблем. Я запишу тебя в список ожидания, — ответил ему.

— Это будет не так просто! — повысил он голос. — Рома Солнцев покажет!

— Мёртвых писателей тоже позовёшь? — вспомнил я эмо, но Рома меня не понял.

Он просто схватил книгу, готовый нанести удар.

Я воевать с ним не стал, а вместо этого махнул рукой и пошёл к следующей точке. Впереди висели часы, показывающие двенадцать дня.

До конца экзаменов ещё часов пять. Думаю, мне хватит.

Слева от дорожки заметил скамейку напротив небольшого кирпичного здания, вроде как технического или теплового пункта. Решил посидеть, отдохнуть и восстановить очки популярности.

Я как-то не ожидал, что дважды обнулюсь за утро. Держать широкую уверенную улыбку, когда чувствуешь себя вывернутым наизнанку — так себе развлечение.

Пока дышал, обратил внимание на кирпичное здание. Двое рабочих стояли рядом с задней стеной и громко ругались:

— Нет, нужно средство мощнее! — кричал один.

— Да куда мощнее? Стена скоро развалится! — рычал второй.

— Нужно убрать эту гадость!

— Но не ценой же всего здания?

Из любопытства я вытянул шею и посмотрел на стену. Оказалось, что они пытались све-сти граффити.

Объёмные, переливающиеся зеленоватыми блёстками буквы складывались в простую надпись: «Пу-пу-пу». И всё.

Понимаю, почему её решили убрать. Но не понимаю, из-за чего столько криков.

Наконец первый добился разрешения использовать средство посильнее и начал тереть надпись щёткой. Только вот в следующую секунду надпись засияла ярче, а стена вокруг неё... начала плавиться и трескаться!

— Ааа! Твою ж! Я же говорил! — вопил рабочий, пытаясь спасти стену, обливая её ярко-сиреневым магическим составом. Но помогало мало — трещины продолжали змеиться по поверхности.

Я вскочил со скамейки и поспешил дальше, чтобы не оказаться виноватым. Так, случайно.

Обойдя пруд, в котором плавал лебедь размером с лодку, пробежав мимо ларька с сосисками, которые пахли божественно и соблазняли мой желудок потоками слюны, я оказался у входа на следующее, четвёртое, испытание.

Здесь картина с «отказниками» выглядела ещё страннее. Например, вот парень с длинной чёрной чёлкой лежал на траве и выглядел так, словно он только что вернулся из пустыни, обгоревший, высохший от обезвоживания, покусанный скорпионами и человекоподобными кактусами.

В стороне от парня лежала девушка. Синие губы тряслись с амплитудой шесть баллов по шкале Рихтера, побелевшая кожа на лице и руках выглядела замороженной и стеклянной — чуть тронь и рассыпется со звоном!

Третий выдирает из ноги длинные иголки, да и в целом выглядел как человек, который только что чудом вылез из болота.

Глянув в документы, я увидел название предмета: «Погружение и атмосфера».

— Смотрю, многие здесь хорошо так погрузились, — не смог промолчать я, за что получил несколько злых взглядов.

Но большинство лежащих здесь даже не повернули ко мне голову. Самый смелый, не отрывая головы от газона, поднял кулак и показал мне средний палец.

— Понял, учту при подготовке, — ответил я и устремился вперёд.

Пять часов на оставшиеся экзамены — вот что меня волновало. А будут там дальше болота или пустыни — это второстепенно.

Это здание внутри оказалось крайне простым и функциональным. Свежая табличка указывала, что нужно идти направо, а та, что висела обычно — потёртая медная с глубокой гравировкой, — что в том крыле лаборатории.

Три минуты по гулкому пустому коридору и услышал тихий гомон.

Когда я подошёл, увидел знакомого мне эмо, который сидел на полу, а за руки его поддерживали трое: два парня с такими же скорбными лицами и злая девушка с колючей серьгой в носу и яркими татуировками на руках.

— Вставай, Эд! Ты прошёл! Двигайся дальше! Два часа протупил!

Эмо, которого называли Эдом, раскачивался на месте, глядя перед собой.

— Бесконечная дорога. Бесконечное одиночество. — И по кругу.

Я подошёл поближе и сказал тихо, чтобы он точно услышал:

— А утром угрожал мне, обещал страшное. А сам заблудился на прямой дороге.

Его слова напомнили мне произведение, в котором было ощущение бесконечной и одинокой дороги. Так что я понимал, через что он прошёл.

Но это не значит, что я не стану его подкалывать.

От моих слов Эд с фиолетовыми глазами дёрнулся, его лицо обрело осознанное выражение. Он повернулся ко мне, хотел что-то сказать, но девушка его перебила:

— Ну наконец! А то я уже решила, что ты отказался поступать в Сепию! Можешь сказать спасибо этому, — она кивнула в мою сторону, — мы тебя уже двадцать минут пытаемся привести в чувство.

Эд не стал говорить спасибо, лишь зло глянул на меня и тяжело поднялся, после чего простуженно просипел:

— Идём. Осталось последнее задание.

Они вчетвером ушли. Я же подошёл к тем, кто стояли у нескольких дверей в лаборатории и обсуждали, куда идти:

— Говорю, лучше в пустыню. Там хотя бы москиты размером с тарелку не летают. — Судя по окрашенной в зелёное роже, парень с синими волосами в болоте уже побывал. — А если не понравится, всегда можно выйти.

— Ага, спустя два часа. Времени на блуждания нет, — возмущалась девушка, трясаясь от холода. — Нужно выбрать самый короткий маршрут. А это — снег!

— Ты там уже была! И как, понравилось?

Все замолчали, переваривая обстоятельства.

— А что там вообще есть? — спросил я, с искренним любопытством изучая краткие описания на дверях.

Обычные листы с текстом, набранным на компьютере и распечатанным на принтере. Пояснение гласило, что все дороги ведут к цели, но некоторые позволяют добраться быстрее, если правильно понять задание.

— А препод где? — спросил я, так и не дождавшись пояснений от насторожившихся абитуриентов.

Тот, что с синими волосами, указал на двери:

— Она там. Везде. Дрейфует между мирами. И следит... — закончил он шёпотом, подходящим для чтения детских страшилок.

— Видимо, следит, чтобы никто не сдох, — открылась вдруг дверь из комнаты со снегом, и оттуда с довольной, пусть промёрзшей улыбкой, вывалился Кир. — Рад тебя видеть, Миша. Как ты?

— И я рад. Сам-то живой? Или нужно вызвать байк потеплее?

Парень был покрыт инеем похлеще Деда Мороза, брошенного на произвол блудливой Снегурочки. Пальцы скрючились, но глаза сияли.

— Там техника не работает, к сожалению. У этого мира есть свои правила...

Тут ему в спину влетел тяжёлый ком снега, повалив на пол. Окружающие замерли в шоке.

Из бушующей за дверью пурги раздалось деликатное покашливание.

— Понял-понял, не подсказываю! — чуть испуганно проговорил Кир, поправил бандану и встал с мокрого пола — снег стремительно таял. — Пошёл греться и финалить документы. Это был предпоследний экзамен. Удачи, Миша. И остальные. Не тупите!

Он исчез, оставив всех в размышлениях.

Так, а почему предпоследний экзамен?

— У каждого своя очерёдность, — сказала девушка, а когда я вылутился на неё, зло пояснила: — Ты задал вопрос вслух. Я тебе ответила.

— Спасибо, не знал.

Синеволосый переключил наше внимание:

— Этот в кожаном — второй за час, кто вышел из ледяного биома и прошёл тест! Значит, это самый перспективный путь.

— А я говорила, — закивала замёрзшая девчонка.

— Но доводов не было, — возмутился парень, после чего они наперегонки исчезли за дверьми. В прямом смысле: вот были, а вот — только метель и холод.

Я же решил выбрать другой путь. Никогда не был в джунглях. Посмотрим, что там находят любители путешествий. Кроме гигантских комаров.

Глубоко вздохнув, я сделал шаг в дверь, и тут же закружилась голова.

Меня перенесло от двери на непонятное расстояние, под ногами мелькнули земля, реки и мангровые леса, а затем я с мерзким «плюх» рухнул в какую-то лужу, погрузившись сразу по колено.

Чтобы через секунду столкнуться нос к носу с огромным крокодилом. Тот осмотрел меня, а затем его безжизненные глаза вспыхнули голодным блеском.

В следующее мгновение гигантская пасть распахнулась, готовая проглотить меня целиком.

Глава 4. Словом можно убить

Моё тело покрылось паутинкой ужаса, которая сковывала жёстче цепей. Мгновение — и зубы разорвут меня на мясные рулетики!

Я видел каждый зуб, все неровности нёба, даже кусок синей куртки какого-то бедолаги, которому не повезло очутиться здесь раньше меня.

Из пасти воняло так, что я начал пошатываться, в глазах потемнело. Пульс зашкаливал, а руки безвольно повисли, покрываясь тонким слоем инея.

Захотелось закрыть глаза и закончить экзамен как можно скорее.

Экзамен? Погодите-ка! Это же экзамен! Точно! Как я мог забыть?

Это испытание на «погружение в атмосферу». Вот почему мгновение так растянулось — мир затягивает.

И сейчас меня кинули на обед к крокодилу, чтобы максимально быстро увязнуть в болоте сторителлинга.

Краткий взгляд в сторону помог найти крепкую палку, после чего я схватил её и вертикально вставил в пасть рептилии.

Острый край больно пропорол рельефное нёбо, хлынула кровь, заливая мне руки. Рептилия забилась в конвульсиях, пытаясь выплюнуть помеху. Я же дёрнулся к берегу за спиной, туда, откуда улепётывали птицы, оглушая пространство своим галдежом.

Выбравшись на берег и отбежав на почтительное расстояние, я позволил себе рухнуть на землю у дерева и отдышаться. Короткий атмосферный бой высосал все физические силы, чуть не пережевал меня в прямом смысле.

Оглянувшись, я убедился, что водоём застыл, будто ничего и не было: крокодил спрятался, вода замерла мутной лужей, а птицы начали возвращаться, чтобы делить мушек и куски мяса.

Меня чуть не стошнило от осознания: кого-то здесь в прямом смысле порвало, и теперь его переваривает не только крокодил, но и кровожадные птенчики.

— Что ж, спасибо за гостеприимство, но пора и честь знать, — пробормотал я, вставая с земли. — Пора возвращаться.

Куда? Ах, да, дверь. Простая, деревянная, с чуть покосившимся косяком.

Ещё раз оглядевшись, заметил небольшую тропу между деревьями и след ботинка в грязи у самого края. Видимо, мне туда.

Но стоило мне ступить под сень леса, как на голову тут же рухнула змея и с шипением укусила меня в шею.

Я моментально отшвырнул её в сторону, и та скрылась в густых зарослях. В её прощальном шипении слышалась насмешка.

Прижав руку к месту укуса, сначала я ничего не почувствовал, лишь удивление. Но тут по нервам слева ударила резкая боль, а затем пришёл жар.

Яд! Мощный! От него занемела шея в месте укуса и начало дрожать левое плечо, а по пальцам руки запрыгали искорки. Голова закружилась, меня стало мутить.

Стоп! Это же экзамен! Тест для новичков. Здесь не могут убивать, причём так жестоко и мучительно.

Видимо, встречи с вампиром и драконом мне было недостаточно, поэтому стоило мне сделать пару неловких шагов вперёд, как я наткнулся на потёртую табличку с надписью:

«Словом можно убить».

Вокруг надписи виднелись кровавые отпечатки ладоней, местами были царапины, как будто кто-то использовал ногти.

В одном месте даже виднелось бледное: «Меня уби», которое заканчивалось длинной вертикальной линией вниз.

Сердце забилося ещё быстрее, отчего яд снова ударил в голову: мир перед глазами покрылся красным налётом.

Но при этом я почувствовал какую-то нереалистичность, какой-то странный намёк, который мешал даже сильнее, чем яд в крови.

Я ещё раз глянул на табличку. «Меня уби», говорите? От осознания даже голова прояснилась.

— Вообще-то, там было «Нас у». Там вокруг этого был построен весь сюжет, а вы прямо в лоб.

Я сказал достаточно громко, чтобы экзаменатор, который неявно присутствовал в этом испытании, услышал. Тут же я почувствовал, как теряю немного популярности, но надпись передо мной исчезла.

Табличка стала чище, появилась стрелка, указывающая направо. Но «Словом можно убить» не исчезло, а наоборот, его подчеркнули.

— Понял-понял, буду осторожен. Спасибо за заботу, — проворчал я, отпуская столбик таблички.

Нужно двигаться вперёд, пока яд не убил меня прямо внутри чужого мира.

Смысл стрелочки на табличке я понял чуть позже: сначала тропа шла прямо, мерцала в лучах солнца, что прорывались сквозь кроны деревьев, а затем появилась развилка.

Я выбрал правую, как мне и порекомендовали.

Шёл я медленно, постоянно озираясь в поисках опасностей. А ещё потому, что не мог быстро двигаться: шея болела, нещадно горел укус, а слабость накатывала волнами.

Вокруг же царила живая тишина, когда вроде ничего не происходит, но на фоне всё время что-то отвлекает.

То прожужжит крупная оса, способная вырвать кусок плоти своим длинным острым жалом.

То сверху раздастся пронзительный крик, похожий то ли на птицу, то ли на человека, которому выдирают позвоночник.

То под ногами зашуршит, и ты вынужден подпрыгнуть, опасаясь укуса змеи.

Несколько раз я пытался призвать свою магию, касался книги, но каждый раз на меня словно наваливалась бетонная плита, мешая сосредоточиться.

Значит, суть теста в другом. В чём же?

Мутнеющим сознанием я анализировал первую подсказку — теперь был уверен, что это подсказка, а не что-то иное — чтобы понять, что делать дальше.

Я переставлял ноги, оглядывался, прислушивался. Время шло, и теперь я задумался о том, что могу не успеть сдать все экзамены.

Иногда натывался на обглоданные кости у входа в берлоги, обходил их стороной через лес, опасаясь встретить хозяина недвижимости или очередную змею.

Левая рука уже почти не слушалась и опухла, став синеватой. Казалось, что она лопнет подобно шарiku, расплескав всё мясо по стволам деревьев.

У очередной берлоги я остановился, спрятавшись за кустами и выглядывая издалека. Целую минуту я не мог понять, что вообще происходит и почему я сижу здесь, а не стремлюсь дальше.

А затем понял.

Из мрачной вонючей берлоги торчал длинный чайный носик. Чуть привстав, убедился: действительно чайник. Беленький такой, чистенький.

Можно было бы подумать, что это кто-то из абитуриентов планировал выпить чаю посреди диких джунглей, а затем его схавал местный медведь, но... это только если ты не читал «Алису в Стране Чудес».

Берлога, дерево, чайник — ассоциативный ряд пусть и не прямой, но понятный. Так что можно смело сказать, что эта берлога — непростая.

Что случилось, когда Алиса последовала за белым кроликом в нору? Правильно, она попала в Страну чудес. А для меня это вполне может быть выходом отсюда.

Выбравшись из-за кустов, оглядываясь, я двинулся к берлоге. Пусть я верил, что это кроличья нора, но всё равно стоило быть настороже.

Подойдя ближе, я разглядел белоснежный тонкостенный чайник, хмыкнул тому, что всё правильно угадал, после чего сказал вслух:

— *«Не желаете ли чашку чая? Тогда, может быть, съедите бутерброд?»*

Тут же берлога поплыла, словно горячее масло, сужаясь, осыпаясь, исторгая из себя вонь гнилого мяса, заменяя его на запах свеженатёртой моркови. В желудке снова забулькало, напоминая, что я сто лет не ел, на что пообещал перекусить сразу, как только вылезу обратно в реальность.

Этот мир и его ядовитая атмосфера — рука и шея болели всё сильнее, — меня уже достали.

Через минуту трансформация берлоги закончилась, и передо мной оказался узкий, но высокий проход. Как раз, чтобы будущий студент вроде меня мог выйти.

— Что ж, пора возвращаться, — сказал я с облегчением.

В ответ из берлоги раздался рёв, а затем топот.

Судорожно отступив назад, я споткнулся и упал. Это меня и спасло.

Из темноты, разбрасывая комья грязи и ботву от моркови, вылетел заяц. Кролик. Крольчище!

Тварь была высотой под два метра, а огромные уши походили на лопасти грузового вертолёта. Лапы могли перебить хребет здоровому волку, а зубы — этого самого волка захомячить в пару прикусов.

Он навис надо мной, мило подвигал мягким носиком, размером с моё лицо.

— Милашка, — пробубнил я.

В следующую секунду кроль рыкнул и подпрыгнул с целью раздавить меня, как переспелый помидор. Но разбрызгивать кишки по лесной чаще не входило в мои планы на сегодня.

Я рефлекторно схватил книгу в сумке и наотмашь, изо всех сил, врезал кролю в пузо.

Магия сработала: зелёный кирпич, которым, по сути, являлась книга, врезался в тело кролика-переростка, и тот, издав что-то среднее между бульканьем и отрыжкой, отлетел назад.

Он врезался спиной и затылком в дерево и сполз по нему обратно, в сторону берлоги. Только внутрь он возвращаться не стал, а взревел, потряс тупой башкой — а как иначе пережить такой удар? — и с упорством быка на корриде попёр на меня.

За время его полёта и общения с деревьями я успел встать. Пусть меня мутило от яда, но валяться на земле желания не было. Не так запоминают талантливого автора.

Я снова попробовал произнести *цитату*, но сила этого места не дала мне даже начать. А кроль всем весом помешал продолжить. Пришлось отпрыгивать в сторону, чтобы не оказаться под мягкой тушей этого ушастого монстра.

Прыжок оказался почти удачным: я сделал кувырок, получил несколько шипов в спину, а затем врезался в вонючий цветок, от запаха которого меня чуть не стошнило.

Розовые глазки кроля высматривали заблудившегося в джунглях писателя, а мягкий нос судорожно вынюхивал его след. Только вот казалось, что я стал для него невидимым, по крайней мере на мгновение.

Запах! Вонь цветка, похожего на ёршик для унитаза, перебивала мой собственный запах, делая меня невидимым для носа зверя.

А почему тогда он не замечает меня глазами, хотя как минимум раз посмотрел в мою сторону? У зайцев должно быть хорошее зрение, пусть и косое, чтобы следить за хищниками и прочими опасностями.

Приглядевшись, я нашёл ответ: с глазами зайца что-то было не то. Там чего-то не хватало. От этого «чего-то» остались только тонкие следы на белой шерсти, будто кто-то примял траву, и та запомнила форму объекта.

Ассоциативный ряд выстроился быстро: нора, Алиса, заяц, пенсне. Почти на всех иллюстрациях заяц, спешащий по своим делам, носил не только часы, но и очки или пенсне.

А, значит, это ошибка, деталь, которая может выбить из атмосферы истории.

— Эй, кроль! Очки потерял? Помочь найти? — крикнул я, на мгновение внутренне замирая.

Если я ошибся, то сейчас он меня услышит и просто раздавит.

Кролик размером с машину замер, шевеля длинными ушами. Его глаза с трудом сфокусировались на мне, а нос затрепетал в попытке найти мой запах.

Он поднял верхнюю губу, обнажая огромные резцы — никогда не думал, что у зайцев они такие огромные! Или они только у этого зайца такие гигантские? — и издал низкий, утробный рык. Как тигр или лев.

Я медленно поднял руки, чтобы его не провоцировать. Книга мягко пульсировала внутри сумки, готовая делиться своей магией. Очки популярности скакали около показателя в четыре пункта, готовые вырваться в виде *цитаты*, да только мир испытания блокировал меня.

Кролик снова заворчал и медленно шагнул в мою сторону. Теперь он не отводил взгляда от моего лица. Будто пытался прочесть, что я думаю.

— Вижу, что вы заплутали. Без очков сложно найти верную дорогу. А Королева ждёт, — выдавил из себя, понимая, что сейчас придётся прыгать снова и, главное, не проворонить этот момент.

Иначе будет бо-бо.

Время замерло, мы стояли друг напротив друга, ожидая сигнала, знака. Им стала птица, которая, пролетая мимо, драматично гаркнула у нас над головами.

Мы с кролем вздрогнули одновременно. Он прижал уши к голове и напряг ноги, готовый прыгнуть. Я замахнулся книгой, не имея больше ничего для защиты. Вонь от цветка я уже не считал.

А затем он прыгнул, а я со всего маху направил книгу прямо ему в морду.

— Почитай на ночь! — гаркнул я изо всех сил, отчего даже далёкие птицы, сидевшие на деревьях, взмыли в небо с пронзительными воплями.

Кроль тоже сбился, но уже летел навстречу мне и моей книге. Увернуться не успевал никто.

В следующую секунду он врезался в меня, и я понял, что значит столкнуться с товарным поездом. Меня просто унесло с того места, где я стоял, словно я пушинка.

Мне показалось, что в процессе полёта я сломал как минимум десяток деревьев своей спиной, а затем ещё и раскрошил какой-то каменный булыжник, а может, даже заброшенный храм.

После этого я покатился по земле, собирая на себя очередную порцию местного мусора. Заныли рёбра.

Когда движение остановилось, я смотрел в небо мутными глазами, видел психованных птиц, которые клевали друг друга в попытке занять как можно более далёкое от меня место. Я их понимал. Сам бы клюнул кого угодно, чтобы оказаться подальше.

— Про-простите, как вы себя чу-чувствуете? — заикаясь, спросил неуверенный голос. А затем, не дав мне ответить, добавил: — Понимаю ваше состояние, но поймите и меня — я спешу. Спешу и опаздываю!

Я повернул голову и увидел стоящего рядом зайца. Точнее, это был не просто заяц, а какой-то антропоморфный кроль в спортивном костюме с тремя полосками, белых, идеально чистых, кроссах, чуть растрёпанной причёской и паникой в глазах.

В руке, точнее лапе, он держал неуместные для такого вида механические часы на цепочке, серебряные. Второй рукой-лапой он выстукивал замысловатый ритм по открытой крышке часов.

Довершало несуразный образ пенсне, которое, как влитое, сидело у него на носу, плотно прижимая шерсть вокруг глаз.

— Если вы не-не-не против, то я побегу. Дела, по-по-понимаете? — заискивающе заикнулся он.

Я махнул рукой прямо с земли, и заяц моментально развернулся, взял низкий старт и готов был сорваться с места. Но я его остановил:

— Стой! — Он оглянулся, тряхнув ушами, но стартовой позиции не поменял. — Где здесь можно найти противоядие?

Взглядом указал на отравленную руку. Кроль сжал губы, подвигал мягким носом:

— Если поспешите за мной, проведу к специалисту.

Я с трудом, но не подавая вида, поднялся с земли и кивнул.

— Веди.

Заяц глянул на часы, вздохнул и рванул к... берлогу. Реально, он пробежал десяток метров и остановился у входа в земляную пещеру.

— Нам туда? — Он кивнул. — Специалиста, случаем, не Шляпочник зовут?

— Нет, — брезгливо сморщился заяц. — К нему идут существа только совсем падшие. Я вас отведу к Тиа. Она больше смыслит в ядах.

И, как и в «Алисе в стране Чудес», прыгнул в берлогу. Я слышал, как удаляются его причитания о том, как он опаздывает.

Оглядевшись, я посмотрел в небо и прошептал:

— Только этот тест я тоже сдам.

В ответ было только далёкое хмыканье, а затем на входе в берлогу появился лист подорожника.

— Ну спасибо, — саркастично сказал я, однако лист взял. Вдруг пригодится.

После чего прыгнул в берлогу и с криком полетел вниз.

Земляные стены проносились мимо, иногда перед глазами мелькали корни деревьев и странные туннели, уходящие в темноту. В самом туннеле было сумрачно, но не темно, словно где-то наверху и внизу находились источники света.

Вдруг стены сменились, стали каменными. Старая кладка, поросшая зеленоватым мхом и толстыми лианами. Похоже на джунгли, из которых я только что выбрался, но в то же время словно другой сеттинг.

Земля под ногами появилась неожиданно, и я с мягким стуком приземлился.

— Спасибо, что не размазали по брусчатке, — поблагодарил экзаменатора, разглядывая плитку на земле.

Площадка была в форме круга, а на ней белыми плитками кто-то выложил череп. Я стоял ровно в темноте отсутствующего носа.

Выход оказался прямо передо мной: узкий, высокий, похожий на тот, что был в берлоге. Рядом с ним горели два факела, только вместо тёплого оранжевого огня, хрустело насыщенно-зелёное пламя.

Кроль нетерпеливо тарабанил белым кроссом по камням, постоянно поглядывая на часы и поправляя пенсне. Его спортивный костюм выглядел здесь ещё более вызывающе.

— Спасибо, что подождал, — поблагодарил я. — Куда нам теперь?

— Тиа тебя уже ждёт. — Он указал лапой на проход. — А я побежал.

И, сорвавшись с места, он рванул вверх по стенкам, как по обычной беговой дорожке. Будто гравитация здесь работала по иным законам.

Покачав головой и почувствовав очередной приступ головокружения, пошёл вперёд. Нужно быстрее избавиться от яда и закончить тест. Две из трёх головоломок экзамена я решил. Явно осталась третья.

Классическая сказочная структура. Надеюсь, что ради экзамена мне не решат устроить полноценное путешествие героя с его более чем двенадцатью этапами.

Проскользнув в узкий проход, освещаемый зелёными факелами, я вдруг оказался в кабинете. Вот прям обычном, классическом кабинете, который любят показывать в социальных сетях по поиску «красивый кабинет».

Стены оформлены тёмными деревянными панелями, справа стоит высокий книжный шкаф со стеклянными дверцами, полный книг. Слева полки с колбами, глобусами и пучками трав внутри стеклянных банок. Посреди комнаты чучело пони с черепом крокодила вместо головы.

А вот за чучелом обосновался массивный стол с идеально ровной и блестящей поверхностью, словно его отполировали, а затем спиртом смазали для пущей чистоты. Даже пылинки не видно.

Вот за этим столом, спиной к закрытому толстыми портьерами окну, сидела женщина. Видимо, та самая Тиа. Смуглая, почти чернокожая, с волосами, заплетёнными в дреды, которые упругими пружинками свисали с головы. Родинки на щеках, крупные, как дробь. Серьёзные глаза, которые сразу отметили мою сумку, опухшую руку и на долгое мгновение задержались на лице.

— Слушаю, — сказала Тиа ровным голосом. Словно море пророкотало.

В этом голосе мелькнуло что-то знакомое. Наставительное. Слишком реалистичное. Понимание пришло с мысленным стоном: это не персонаж! Это препод! А значит, если я просто попрошу себя вылечить, точно завалю экзамен.

Увидев, что я молчу, Тиа указала рукой на появившийся словно из ниоткуда стул:

— Присядьте.

Спорить не стал, медленно опустился на стул. Огляделся, изучая кабинет внимательно, пытаюсь понять, в чём здесь подвох.

Первые два испытания были связаны с поиском несоответствия. Нужно было исправить атмосферу, вернуть её в правильное состояние. Только вот здесь всё было неправильным и не вязалось с джунглями, крокодилами и отравлениями.

Кроме трав на полке и черепа крокодила на пони — они вписывались в изначальное безумие. Значит, нужно довести всё до абсурда?

— Подскажите, у вас случаем, не найдётся какого мухомора? А то свой пришлось отдать гусенице. Она без этого кальян не могла раскурить, — наконец сказал я, вспоминая классический образ из любимого Кэрролла.

Тиа чуть повернула голову, но, ничего не сказав, встала, подошла к полкам с банками и достала одну с заднего ряда. Взяла двузубую вилку, выудила скукоженный мухомор и выдала мне. Вместе с вилкой.

От него шёл чудесный аппетитный запах, аж слюна потекла. С трудом удержался, чтобы его не слопать. Вместо этого кинул на пол, представляя, что пол становится не каменным, а земляным.

Стоило мухомуру коснуться камня, как кабинет изменился: под ногами оказалась утоптанная земля, вместо деревянных панелей на стенах — заросли лиан, а книжный шкаф превратился в огромную жабу с выпученными глазами.

Тиа же осталась невозмутимой, словно ничего особенного не произошло.

— Вы закончили, молодой человек? — спросила она за столом.

Только это начищенное чудовище не изменилось от слова совсем. Даже окошко за спиной теперь выглядело так, словно было установлено прямо в дупле дерева, а стол продолжал сиять полиролью.

— Почти. Не хватает маленькой детали.

Я обернулся к чучелу пони с черепом крокодила вместо головы и снова призвал магию писателя. Моя фантазия заставляла эту фигуру двигаться дёрганными, неприятными движениями.

— Атмосфера, чаще всего, самая плотная в ужасах и мистике. Поэтому...

Я повернулся к женщине, давая яду из руки распространиться по всему телу. Крокодилоголовый монстр рядом, моя сине-зелёная кожа и лицо, дёргающееся в спазмах боли, скрип и стук по стенам, рокот внутри гигантской жабы — всё это создавало мрачную и пугающую атмосферу.

Тиа продолжала сидеть за столом, оценивающе глядя на меня и мои потуги. Вдруг я заметил, как она тяжело вздохнула и потянулась к ящику стола. Мне это движение совсем не понравилось, и я призвал всю свою магию.

Бледный, мертвенный зелёный свет залил помещение. Стены из лиан начали шевелиться, хищные лозы поползли в сторону преподавателя, готовые вцепиться ей в руки и ноги. Жаба раскрыла пасть и выплюнула в сторону Тиа обглоданный, весь в слизи, череп, который со звонким и пустым стуком упал прямо на идеально чистый стол. Череп крокодила щёлкнул челюстями и издал потусторонний стон.

Рука Тиа замерла, а её глаза расширились. Я увидел, как побледнела смуглая кожа, после чего сделал финальное движение: я положил руки на её стол и потянулся к ней, оставляя после себя вонючие следы яда, разъедающего поверхность.

Женщина отпрянула, чуть не упав со стула, взлетела на спинку, как ловкая кошка, замерла и... засмеялась.

— Отлично! Отлично! Вы умеете работать с фактурой и деталями. Сегодня мало кто обращает на это внимание. Но с запахом вы перестарались. — Тиа поморщилась. — Если пройдёте вступительные, придётся выполнить дополнительное задание на уроке.

— Как только сдохну — так сразу, — ответил я, чувствуя, что голова окончательно помутилась. Яд никто из тела не убрал. Я лишь использовал его действие для усиления эффекта.

— Да-да, не переживайте.

Тиа заглянула в другой ящик, выудила оттуда древний металлический шприц и кинула его мне.

— В плечо, рядом с местом укуса. Пусть сознание уловит привычный триггер, и всё пройдёт. Вы сдали.

Она протянула руку, требуя документы. С трудом вытащил бумажку, отдал ей. Только после этого вколол антидот, чем вызвал одобрительное бормотание.

Некоторые истории засасывают, поэтому, чтобы не сломать психику человека, нужно его правильно из неё вывести. После укола перед глазами промелькнули виды реальности: парк, автобус, игровая площадка и даже «Вкусно в комочках» с его вечной солёной картошкой фри.

Отпустило.

— Что ж, вам туда, — Тиа указала на жабу, которая открыла пасть, подобно дверному проёму. — Попрошу никому не подсказывать секрет экзамена. За это — исключение. Понятно? — строго закончила она.

— Понятно. — И шагнул жабе в рот. Нужно побыстрее закончить это безумие.

Мгновение темноты, и вот я вываливаюсь в помещение, откуда начинал экзамен. Рубашка помята, от меня несёт прелой листвой и болотом, но боль в голове затухает, а следовательно, яда больше нет.

Дверь в «джунгли» за моей спиной захлопнулась с грохотом, скрывая нутро экзамена. Я сделал несколько шагов прочь и резко сел у стены, зажмурил глаза.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Заставлял себя чувствовать ногами пол, гладкую крашеную поверхность, в которую упиралась спина. Вдыхал запахи реальности: немного пыли, немного цветов, лёгкий душок пота и едкий от бытовой химии, которым оттирали поверхности во время уборки.

Гулкий шёпот студентов, нервные смешки, недовольные стоны тех, кто провалился. Ветер за окном и шелест деревьев. Холод от плит и стен, от которых тонкая куртка не защищала.

Реальность всегда чуть менее яркая, менее сочная и воодушевляющая, чем выдуманные миры. Но при этом гораздо сложнее и многограннее, чем любая, даже самая проработанная фантазия.

Главное, вовремя вынырнуть и вернуться домой.

Я тяжело поднялся, оглядел зал. Вокруг осталось буквально трое ожидающих своей очереди на экзамен. Один стоял у двери в джунгли, но когда я встал, подскочил ко мне:

— Что там? Все говорят, что самый жуткий. Но остальные заняты. Что там делать?! — в голосе парнишки звучала паника, а глаза были распахнуты шире, чем пасть крокодила в точке появления.

— Верь в себя и свои знания. Любовь к литературе и приключениям — твой путь обратно, — тихо сказал, положив руку ему на плечо. Он хотел было уточнить, но я покачал головой: — Больше сказать не могу.

И кивнул на дверь. СВо вздохом парень поплёлся обратно. А я выглянул в окно. Судя по положению солнца...

— Сколько сейчас времени? — громко спросил, отчего оставшаяся троица вздрогнула.

— Полпятого.

— Аристотель и все сократики! До конца вступительных полтора часа!

Не оглядываясь, я побежал на выход, чувствуя, как сумка тяжело стучит по бедру. Территория Академии Сепия опустела, небольшие группы абитуриентов, опустив головы, двигались в сторону выхода.

На бегу глянув в документы, убедился, что мне в главный корпус, и побежал, глядя на указатели. Высокое здание скрыло горизонт, но разглядывать его времени не было.

Если предыдущий экзамен занял столько времени, то чего ожидать от последнего? Успею ли?

В голове прозвучал голос отца: «Три года работы у меня. Без споров». По телу прошла дрожь омерзения, после чего я ускорился. Век воли не видать, я не сдамся на пути к мечте!

Со всего маху толкнув дверь в главный корпус, я влетел внутрь. Меня встретила почти соборная тишина, высоченные потолки и несколько грузных орков с топорами. Зеленокожие повернулись в мою сторону, ослабили, показывая мощные клыки. Один из них поудобнее перехватил топор.

Неужели снова сражаться?

Один из орков, самый высокий, с особенно тёмной, цвета мирта, кожей, протянул руку и сказал вежливым голосом:

— Ваши документы, пожалуйста.

Несколько секунд я ещё пялился на этот фэнтези-отряд. Остальные, кроме говорившего, выглядели голодными и облизывались, рассматривая меня. Поэтому я протянул допуск со всеми печатями от предыдущих экзаменов.

Тёмно-зелёный орк хмыкнул:

— За один день. Неплохо. Осталось успеть сделать за час то, что остальные делают минимум четыре. — Он отдал бумагу и широко улыбнулся.

Его клыки оказались ещё больше и мощнее, чем у остальных.

— Пропустите его, — приказал орк.

— Как прикажете, мастер Роше, — отозвались те и отошли от двери, которую они охраняли.

Орк Роше кивнул, позволяя мне уйти. Я, конечно, понимаю, что здесь лучшая Академия писателей и персонажи действительно здесь могут иметь особенную силу. Но действовать настолько независимо и реалистично? Верилось с трудом.

Однако времени на эксперименты не осталось. Орк прав: мне предстояло сдавать последний тест. И его слова о четырёх часах меня напрягли.

За дверьми оказался широкий коридор, в разные стороны расходились входы в кабинеты и классы. Местами стояли растения в больших горшках, местами — шкафы с различными предметами и книгами.

Указатели вели вперёд, и чем ближе я подходил к цели, тем чаще они появлялись, заставляя сердце каждый раз вздрагивать. «Поспеш!» кричали таблички, подталкивая у экзамену.

Наконец я дошёл до распахнутых дверей. Через этот проём можно было прокатиться на двух роялях, и никто бы не заметил.

За ним находилось огромное помещение. Потолок вздымался на высоту метров пятнадцати, не меньше, а дальняя стена находилась как минимум в пятидесяти метрах от меня. Вширь зал был ещё больше.

В этом огромном пространстве на расстоянии в пару метров друг от друга стояли одиночные парты. За ними я заметил знакомые фигуры: вон жёлтая куртка Ромы Солнцева; красно-белая бандана Кирилла; блёстки Леры и её подруги; чёрная шевелюра эмо и многие другие.

Все сидели, склонив головы, и методично работали.

— О, ты всё-таки припёрся, — тихо окликнул меня голос.

Девушка, которую я встретил у второго теста. Она была всё так же в свободной юбке до колена, белом топе и коротком приталенном пиджаке поверх него. Светлые пышные волосы заплетены в длинную косу до пояса. На кончике косы подобие металлического полумесяца.

— Ты принимаешь экзамен? — спросил я вместо ответа и протянул ей бумагу с печатями.

Девушка дёрнула плечом.

— Помогаю с организацией. Ну, глянем, на что ты можешь рассчитывать, — она взяла документ и застыла, подобно читателю при виде неудачной метафоры. — Как это понимать?

Внутри всё сжалось, но я заставил свой голос не дрожать:

— Как есть: мне нужно срочно сдать этот тест, пока время не истекло, забыл, как вас?

Девушка помотала головой.

— Я Наташа, в смысле... Да-да, сейчас. — Она выглядела сбитой с толку. — Но как за день... — она не закончила, махнула рукой и отвела меня в сторону.

Здесь оказался длинный стол, заваленный самыми разными вещами: ступки и пестики, колбочки с порошками и жидкостями, непонятная масса и даже банановые листья. Тут же рядом лежали камни, куски руды, молотки и долото.

В общем, всё это походило на мастерскую, а не на рабочее место писателя.

— Задание простое, Михаил, — собралась с мыслями Наташа. — Тебе нужно написать любую *цитату*. Только сделать это можно на чём-то, созданном из этого. — Она обвела рукой стол.

Ох, кажется, я влип.

— То есть, мне нужно сделать носитель, вроде бумаги, чернила, а затем написать *цитату*?

— Именно. Причём цитата должна сработать как минимум раз. — В её глазах заплясали черти, а полумесяц на косе хищно блеснул. — Справишься, Михаил?

Девушка демонстративно посмотрела на часы, покачала головой.

— Кстати, у тебя осталось пятьдесят восемь минут. А насколько я помню технологию, только чернила настаиваться должны минимум час. Ещё не решил заняться чем-то попроще?

Я не ответил Наташе и шагнул к столу. Пятьдесят восемь минут на то, что требует у обычного автора четыре часа?

Глава 5. Между кицунэ и зубастым демоном

— Ну что застыл? Мне уже подписывать ведомость об отказе в приёме? — резко спросила Наташа, но я её проигнорировал.

Как когда-то говорил Байрон: *«Одной капли чернил достаточно, чтобы возбудить мысль у миллионов людей»*. Благодаря магии чернила обрели и другие свойства: не просто возбуждать мысль, но и помогать погружаться в авторские миры, а затем выпускать из них в реальный мир самых ярких персонажей.

Сейчас передо мной стояла непростая задача: сделать собственные магические чернила, которыми можно написать *цитату*. А затем эта *цитата* должна сработать, то есть призвать персонажа из созданного фантазией мира в мир реальный.

Так-с, какое именно произведение стоит использовать? У меня помимо стандартного набора обучающих *цитат* были собственные заметки из «Алисы в Стране Чудес», Жития святых, Брэдбери и, конечно, Франк.

Однако всё упиралось в ту энергию, которую можно провести через себя и книгу, в данном случае листик с *цитатой*. Во-первых, у меня всего двенадцать очков популярности и выросло пока лишь семь.

Во-вторых, Франк, как мой личный персонаж, на других носителях тупо не работает, а мне нельзя провалиться в последний момент.

Хороший вариант использовать Чеширского кота отца, но он уже сегодня выходил на сцену. Заниматься самокопированием без нужды профессиональная гордость не позволяла.

Значит, пойдём по классике.

Я ухмыльнулся, представляя рожу Серёги. Интересно, он поступает в Сепию или решил куда-то в другое место податься?

Раздался тихий звон, который отвлёк меня от мыслей. Оглянувшись, увидел большие часы на стене с обратным отсчётом. Они показали, что осталось пятьдесят пять минут.

— Каждые пять минут будут звенеть? — спросил я у пространства, но ответила Наташа:

— Чтобы таким, как ты, напоминать, что времени осталось совсем немного. Остальные уже заканчивают, с запасом! — сказала она с такой гордостью, словно она сама сдавала экзамен за всех разом.

Я сосредоточился над столом с ингредиентами, сразу отсекая руды, металлы, толстую кожу и сложные химические составы. Обычные чернила делаются крайне просто: вода, железная соль и — та-да! — всё готово.

Для магии нужно добавлять больше веществ, проводить через них магию, концентрируясь по несколько часов. Именно поэтому многие предпочитают покупать чернила, а не готовить самостоятельно.

Но, видимо, в Академии решили, что простой путь не для её студентов.

Проблема была в том, что нужно напитать магией чернила, а затем обработать, заговорить лист, на котором будешь писать. Времени у меня действительно на всё это не хватит. Поэтому я продолжал искать иной способ решить задачу.

Вот! Нашёл!

Схватив неказистый кусок серой земли, я несколько раз сжал его в кулаке, убеждаясь, что выбрал то, что нужно. Затем нашёл слегка ржавое ведро на дальнем краю стола, металлический прут для сварки, а также рулон салфеток.

— Решил посадить картошку? — спросила Наташа, позвякивая полумесяцем в косе. — Конечно, из неё тоже можно получить краситель, но...

Я продолжил её игнорировать и направился сначала к небольшой раковине в углу. Это была переносная конструкция, подключенная к обычному шлангу, а значит, кто-то специально подготовил её для экзамена.

Когда я набрал пол-ведра и под звон часов двинулся к пустому столу, за которым мог бы сделать свою работу, заметил, что весь зал смотрит на меня. У кого-то на лице застыла усмешка, у кого-то шок, у некоторых — безразличие.

Только Кир да девушка с волосами, выкрашенными в белый и алый цвета, смотрели на меня с толикой то ли одобрения, то ли поддержки.

У них у обоих на столах пузырились колбы с чернилами — это говорило, что они фактически готовы к использованию. Подготовленные листы пергамента или бумаги лежали тут же.

— Напоминаю, что переговариваться нельзя, — строго сказала Наташа за спиной. — За помощь или вред другим — немедленная дисквалификация без права повторного поступления.

Кир подмигнул, я — в ответ, после чего уселся на выбранное место на дальнем ряду, недалеко от входных дверей. Здесь сзади кроме меня никого не было.

Времени оставалось немного, но я уже придумал выход. Осталось приложить некоторое усилие и не лажать.

***

Академия Сепия, комната наблюдения рядом с Центральным залом

Наташа Гончарова в последний раз окинула взглядом аудиторию с экзаменуемыми и зашла в небольшую комнату рядом. Закрыв дверь, она тяжело вздохнула и поставила сумку с книгой на ближайший стул.

— Кофе? — не глядя, протянул ей бумажный стакан с логотипом Академии высокий мужчина с короткой седой стрижкой.

Мужчина походил на пожилого офицера: широкие, но пропорциональные плечи, спокойный уверенный взгляд, прямая спина и строгий костюм, сидящий на нём, как парадный китель.

В его руках было легко представить саблю или ружьё, однако он управлял миром с помощью пера.

— Спасибо, директор, — поблагодарила Наташа, принимая стаканчик.

Принюхавшись, она поняла, что мужчина предложил ей очень сильно разбавленный макиато, в котором одно молоко и кофе для запаха. Угадал или знает, что это её любимый напиток?

Однако прочитать его она не смогла: тот продолжал смотреть на зал через односторонне-прозрачное стекло. Его лицо выглядело спокойной маской, лишь глаза иногда перескакивали с одного ученика на другого.

— Как тебе будущие одноклассники, Наташа? — спросил он вдруг.

Наташа задумчиво намотала длинную косу на кулак, потерела пальцами металлический полумесяц.

— Думаете, все сдадут?

— Сдадут те, кто готов. А среди них неудачников уже не осталось, — весело сказал директор, не отводя взгляда от стекла.

— Даже этот Перьев? — удивилась Наташа. — Он опоздал, у него не осталось времени...

— Разве уже прозвенел последний звонок? — мягко перебил её седой мужчина. Наташа замолчала. — Иногда гениальная идея, образ, приходят автору в последний момент. Стресс часто провоцирует вдохновение, тебе ли не знать. — Он хмыкнул, так и не посмотрев на девушку. — А этот парниша не так прост, как тебе кажется.

— Самомнения в нём на троих, это я уже заметила, — Наташа отпустила косу и поставила стакан. Какое-то беспокойство заставило её присмотреться к залу. Неужели кто-то решил схалтурить?

Директор усмехнулся, сложил руки за спиной.

— Вижу, ты уже это почувствовала.

— Не понимаю, — заволновалась девушка, пытаясь разобраться в своих ощущениях. — Что происходит?

— Магия, — загадочно протянул мужчина. — Именно такое чувство испытываешь, когда рядом работает мастер с Боевым методом.

— Боевой метод писателя? На вступительных экзаменах в Академию? Это кто же такой гений? — Наташа от недоверия аж топнула. Не может быть такого!

Директор помолчал, продолжая смотреть на абитуриентов серыми глазами. Его спина оставалась прямой, на лице — лёгкая улыбка. Наташа почувствовала, как ей хочется вцепиться ему в загривок, чтобы он не тянул, но в то же время замерла, боясь пропустить имя этого счастливчика.

В этот момент директор повернулся к ней. От неожиданности Наташа отшагнула назад и споткнулась о стул, чуть не упав. Гончарова ойкнула, слыша, как за дверью часы отбивают последние минуты экзамена.

Она не выдержала:

— Так о ком вы говорите? Кто из них смог получить Боевой Метод Писателя так рано?

Она глянула в лицо мужчины и увидела в его глазах какую-то новую, ранее не виданную тень. Что-то опасное и пугающее, будто перед ней оказался не директор учебного заведения, а боевой писатель, который вышел на арену к своему противнику.

Наконец он заговорил:

— А с чего ты взяла, что там всего один такой человек?

Наташа судорожно вздохнула и перевела взгляд на прозрачное стекло. Там, среди полтора десятка подростков сидел не один, а как минимум двое авторов, которые смогли самостоятельно активировать Боевой Метод.

— Если об этом узнают... — прошептала она, чувствуя, как смесь ужаса и зависти вцепляется ей в грудь, заставляя сердце судорожно биться.

— Да. Если об этом узнают не те, то ребята окажутся в опасности. Все мечтают о талантах. И готовы ради них пойти на всё.

— Тогда почему вы мне это говорите? — ещё больше испугалась Наташа.

Он посмотрел на серебряные наручные часы: оставалось менее пяти минут экзамена. Вздохнул. Сказал тихо:

— Не хочу, чтобы ты из зависти к предку отказалась принимать их документы.

Наташа залилась краской стыда и гнева.

— Я не такая! Моё отношение и работа...

— Две минуты, — остановил её директор. — Приведи себя в порядок и пойдём посмотрим, что там сотворили наши новые студенты.

— Вы всё ещё уверены, что они сдали? — в последний раз попыталась образумить его Гончарова. Будто здесь она старшая, а не он.

— Сейчас узнаем, — кивнул мужчина и первым подошёл к двери, открывая. — Прошу.

Наташе ничего не оставалось кроме как взять сумку и выйти навстречу любопытным абитуриентам. Только в отличие от директора, она не собиралась давать кому-либо поблажки.

***

Над залом пронёсся переливчатый звон, в воздухе пахло старой бумагой и чуть едким запахом чернил. Наташа, которая вышла из незаметной двери справа, громко сказала:

— Время вышло. Всем отойти от столов.

Я заметил, как парень в жёлтой куртке — не жарко ему? — уже вставая, продолжал доводить линии на листе бумаги, но как только рядом оказалась Наташа, отступил и поднял руки, показывая: «всё-всё, закончил».

Кир и девушка с бело-красными волосами отступили почти синхронно. А вот парочка пацанов азиатской внешности на втором ряду делали вид, что ничего не слышат.

— Уважаемые гости, не стоит испытывать наше терпение, — сказал пожилой мужчина с короткой стрижкой, который вышел вслед за Наташей. — Иначе придётся с вами попрощаться прямо сейчас.

Он не повышал голоса, но Наташа резко обернулась, посмотрела на азиатов, а те, словно почувствовав её взгляд, встрепенились подобно воробьям. Нервно оглянулись, неловко поклонились мужчине и отодвинулись от стола.

Мужчина встал перед нами, осмотрел зал, останавливаясь ненадолго на каждом из нас.

— Моя фамилия Станиславский. Я директор Академии Сепия и от имени Академии приветствую вас на итоговом экзамене. Осталась последняя проверка. — Он обвёл рукой наши столы. — Вижу, что вы умеете работать не только пером, но и топором. Это похвально. Осталось узнать, работает ли ваша магия.

Он отступил назад, давая слово Наташе. Девушка поправила пышную, чуть взлохмаченную косу, и громко объявила:

— Каждый поступающий сейчас берёт в руки свою подготовленную *цитату*. Остальные материалы остаются на столе, убирать ничего не надо. Я сказала не надо! — вдруг повысила она голос, поворачивая голову. Казалось, из неё сейчас пламя плеснёт.

Я глянул в ту же сторону: оказалось, что один из азиатов попытался взять стопку тончайшей рисовой бумаги. Он что, всю неделю сидел и готовил эту бумагу, чтобы сегодня сдать экзамен?!

По залу пронеслись лёгкие смешки. Особенно довольно лыбился второй азиат. Наверное, знают друг друга.

— Сейчас мы проходим в следующий зал, — убедившись, что больше никто не лапает посторонние вещи, продолжила Наташа. — Там вы по очереди покажете свою *цитату*. Напоминаю, вы должны были не только написать её, — она глянула на меня, как будто невзначай, — и сделать так, чтобы она сработала как минимум раз. Как выглядит сработавшая *цитата*, надеюсь, никому здесь объяснять не надо?

Девушка оглядела зал как дракон, высматривающий жертву себе на ужин. Кстати, насчёт ужина.

— Скажи, а банкет в честь прохождения экзамена будет? — спросил я, подняв руку. — А то день длинный, уже и перекусить охота.

Все в помещении обернулись на меня, изучили. Кирилл задумчиво покивал, жёлтый покрутил пальцем у виска, гимнастки прикрыли улыбки руками.

— Банкет... — начала Наташа, но вмешался седой директор.

— Как только мы убедимся, что вы сдали, сразу же организуем небольшой фуршет. Как раз зачитаю вам правила Академии, чтобы два раза не вставать.

— Спасибо! — сказал я, а по залу прокатилось довольное гудение, которое издаёт толстый кот, разучившийся мурлыкать.

Наташа перед нами нахмурилась, но ничего комментировать не стала. Тряхнув длинной косой и звякнув металлическим полумесяцем, она сверкнула синими глазами:

— Идёмте, одnogруппники. Посмотрим, кто из вас достоин стать частью Сепии, а кого её щупальца придушат и выкинут за порог.

Мы по очереди, взяв в руки свои *цитаты*, отправились по указанному направлению. Справа оказалась ещё одна большая дверь в другой коридор.

Пройдя через него, мы оказались перед массивными деревянными створками, усиленными стальными полосками. Дерево было покрыто искусными барельефами в виде каракатиц — символа Академии, — книг, перьев, печатных машинок, манускриптов. Детальность была

такой, что можно было прочесть иероглифы, которые нанесли на костяную табличку, лежащую на столе в качестве фона.

Станиславский толкнул двери двумя руками, открывая обе створки. Мы вошли в овальный зал и разом выдохнули. А как не выдохнуть, если мы оказались на настоящей арене писателей?!

Арена была метров тридцати в длину, на такой даже огромные монстры, порождённые безумной фантазией авторов, влезут. По периметру шёл ров под метр шириной — граница, за которую нельзя отступить ни в коем случае.

За ним вверх поднимались трибуны для зрителей в три уровня. Простые каменные сиденья, поверх которых уложены деревянные бруски, как на скамейке. В мягком свете невидимых ламп они блестели, словно вспотевшие в ожидании новых стычек.

С краю по центру арены располагалась трибуна арбитра: возвышение, с которого было видно всё поле. По серому камню струились слова, которые складывались в *цитату*. Что-то про честность и верность долгу.

— Это обучающая Арена имени Уильяма Шекспира. Здесь проводятся лекции и практические занятия, а также соревнования между авторами-новичками.

Директор встал рядом с ареной, глядя поверх наших голов. Всего шаг назад, через ров, и он окажется на ней и... я уверен, что покажет класс. От него исходила сила магии, популярности и харизмы, которая приходит только с опытом.

— Сейчас вы будете выходить на арену, презентовать свою работу, а затем зачитывать *цитату*. Уходите отсюда, — Станиславский указал на нас, — из обычного мира. Выходите там, — указал за спину, на дальний край арены, — в Академии Сепия. Со всеми последствиями этого шага. Готовы?

Народ радостно закивал, мы с Кириллом подняли кулаки вверх. Даже Наташа довольно оглядела участников, учащённо дыша, отчего грудь под рубашкой заметно вздымалась.

— Тогда начнём!

Директор хлопнул в ладони и перешагнул через ров. Арена тут же засияла синим, жёлтым, красным, фиолетовым, зелёным и оранжевым. Основные цвета проявления магии писателя.

Первым пошёл азиат, что хотел забрать рисовую бумагу. Он чинно поклонился, подавая свою работу двумя руками. На тончайшей бумаге кистью были выведены иероглифы.

— Я Ихара Кайто, предлагаю свою работу. Это тончайшая ваши по традиционной японской технологии с *цитатой* великого автора, написанной в традиционной манере укиёдзоси.

— Изящная работа, Ихара Кайто. Рад приветствовать наследника великой династии в стенах Сепии. А теперь покажи, что умеешь.

Японец кивнул, взял свой тонкий лист и прочитал на своём странном наречии фразу.

— «*Yamato no kuni naru Shodai Kuro no ane nari. Onna no kami o kiri ie no kame o vari shokoku nite hito o nayamasu koto kagiri nashi. Na o Osakabe no kitsune to iu. Sugata wa hito ni nite, amata no kenzoku o shitagae, omou mama ni hito o bakashi maboroshi o misekeri*¹».

По арене пробежали всполохи оранжевого цвета, раздался гул, как от идущей волны, а затем на арене появилась она. Миниатюрная женщина с изящной фигурой, одетая в традиционные японские одежды: кимоно, мягко, но плотно затянутое на поясе, руки, спрятанные в широкие рукава.

Пугало только то, что вместо человеческой была лисья голова, а также пушистый лисий хвост. Лиса-оборотень, также известная в культуре как кицунэ, мягко изогнулась, издав лёгкий игривый стон. Я почувствовал, как в теле поднимается тёплая волна и постарался её тут же заглушить.

Существо покрутило головой, оценивая эффект своего воздействия, посмотрело на нас, мелодично засмеялось. Пусть сердце понеслось вскачь, готовое прыгнуть под ноги демону, я

показал ему средний палец, отчего японец побледнел, а второй азиат — тихонько засмеялся. Директор не заметил, или сделал вид, что не заметил, моей выходки.

Через минуту существо побледнело и растворилось. Рисовая бумага в руках японца опала тончайшим пеплом.

— Отлично. Вы сдали. Проходите.

Японец прошёл через арену и вышел с той стороны, став первым из нашей группы, кто прошёл экзамен.

Следом направился второй азиат.

— Гань Вэньцин. Я подготовил традиционную запись на бамбуковых табличках. — Он резко склонил голову, подавая свою работу, словно меч императору. Директор кивнул.

— Приступайте.

Китаец, я это понял по особому произношению и первым словам, зачитал кусочек «Путешествия на запад». Я ради интереса пытался читать его в оригинале. Дальше второго абзаца не прошёл, но запомнил звучание.

— «*Корень духа возрастает, исток происхождения явлен; сердце и природа в совершенстве — великое дао рождается*». — Затем пошёл незнакомый текст, который звучал затейливо в китайском произношении.

Перед нами появился не бог обезьян, как можно было предположить, а один из демонов, с которым тот сражался. Мрачная фигура демона с синим лицом и огромными клыками зависла над ареной в фиолетовых всполохах. Глаза его горели зелёным огнём, а тело было покрыто жёсткой шерстью. Демон проревел что-то кроважидное на китайском и пропал с хлопком.

В воздухе повис запах гари, но бамбук не исчез, а лишь слегка потемнел, как от огня.

— Прошёл.

Китаец довольно перешагнул ров с противоположной стороны, встав в двух шагах от японца и что-то тому сказав. Японец дёрнулся, но промолчал.

Дальше пошли остальные: гимнастки сделали *цитаты* на телячьей коже; эмо с металлической книгой не выпендривался и использовал подобие бумаги; Кир и девушка с бело-красными волосами показали чернила высокого качества, даже после использования они не потускнели и не прожгли бумагу.

Наконец пришла моя очередь.

— Михаил Александрович Перьев, вот моя *цитата*.

Я протянул директору серо-белый прямоугольник. Наташа, которая в процессе экзамена переместилась поближе к директору, пусть и продолжила стоять за пределами Арены, возмущённо спросила:

— Что это за потрескавшийся копролит? Ничего не успел, поэтому решил пошутить?

— О, ты знаешь умные слова, — ответил ей. — Тогда пойми: мой читатель не копрофаг, так что я делаю только качественный продукт.

— Помолчите, молодые люди, — спокойным голосом осадил нас Станиславский. — Наташа, присмотришь и скажи: что ты видишь?

— Кусок глины, покрытый трещинами.

— Почти угадала, да, Михаил? — директор едва улыбнулся краем губ. — Он действительно использовал глину, как носитель *цитаты*. Только вот текст... — он покачал головой, оценивая мою работу.

Я заметил, как довольно улыбнулась Наташа, как задрали носы гимнастки, как сузил глаза Кирилл, поправляя красно-белую бандану. В воздухе повисло ожидание первого и единственного в группе отказа.

— Что ж, Михаил. Покажите нам, что же за цитату вы решили использовать.

Он протянул мне мой едва подсохший кусок глины, стараясь не размазать «трещины» на его поверхности.

— Надеюсь, вы не разочаруете нас. Начинайте.

После он сделал шаг назад и замер статуей. Что ж, Миша, вот и пришло время показать, тварь ли ты дрожащая, или право имеешь.

И умеешь ли писать цитаты на мёртвых языках.

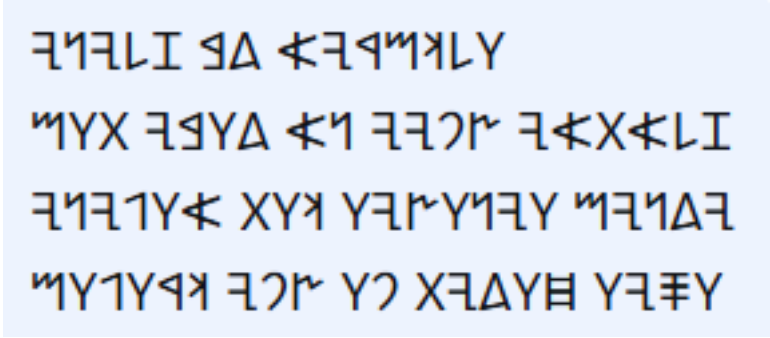
1- Японский (бунго): *старшая сестра лиса Первого эн Куро из Ямато. Она отрезала женщинам волосы, разбивала горшки в домах, во всех провинциях причиняла много неприятностей людям. Звали ее Лиса Осакабэ. Обликом походила она на человека, командовала несметным числом родичей-слуг, водила людей за нос, как только вздумается, и всячески их морочила* (Ихара Сайкаку)

Глава 6. Тарталетки с авокадо

— Прошу, удивите нас, Михаил, — пригласил меня Станиславский, делая шаг в сторону. — Надеюсь, что вы призовёте то, что хотели, а не какого-нибудь древнего демона из загробного мира. Как назло, я сегодня забыл взять своё перо экзорциста.

Я мягко сжал глиняную табличку в руках и сосредоточился, закрыв глаза. Надписи на глине походили на руны. Только ими совсем не являлись.

Ещё раз провёл пальцем по буквам, проверяя, нет ли где ошибки. Текст гласил:

ЭНЭЛИ ЗД КЭЭМЫЛ
МУХ ЭЗУД КЭ ЭЭЭР КЭХКЛИ
ЭНЭЛУК ХУК УЭР-УНЭУ МЭНДЭ
МУНУКЭ ЭЭР УЭ ХЭДУМ УЭФУ

Прочитать это мог далеко не каждый, но судя по реакции директора, он понял суть. Я начал говорить вслух:

— *WLKMRY ' DB ZLYNY ZL 'T 'Y SPYY N ' DWB Y TWM YDN YM WYNW\$YW KWT 'WGYNY WSYW HWDYT PW \$PY KRW GWM*

Горло моментально заболело, голова закружилась от потери вложенных очков популярности. В воздухе запахло глиняной влажной пылью, а по знакам скользнули зелёные огоньки.

Табличка из белой глины начала трескаться у меня на глазах, просыпаясь на пол арены мелким сухим порошком, как костная мука из древнего скелета. Зелёные всполохи струились по буквам как мелкие змейки, напуганные ярким светом.

Я чувствовал, как трясётся тело от резкого падения уровня популярности, как скручивает пальцы и растёт давление в носу — ещё немного и пойдёт кровь! А существа всё нет!

Александр Сергеевич, не подведи!

Я успел заметить самодовольную улыбку Наташи, переглядывания гимнасток, серьёзное лицо Ромы Солнцева в жёлтой куртке. Сосредоточенное выражение Станиславского.

Затем раздался звон цепей, протяжное, мелодичное: «Мяу!» и в воздухе медленно материализовался кот. Если бы здесь находился бы Серёга, он сразу крикнул: «Плагнат!», потому что он вчера атаковал меня этим существом.

Передо мной на задних лапах стоял учёный кот из сказки Пушкина и медленно покачивался. Передние кривые лапки были обмотаны цепями и зверь, подобно призраку, протяжно и грустно мяукал, позвякивая металлом.

Он совсем не походил на того, которого призвал Серёга вчера, выглядел больным, словно его не кормили несколько месяцев, и он почти откинул лапы. На арене стало неуютно, свет потускнел, а из рва начал медленно подниматься туман.

Табличка в руках медленно рассыпалась, отдавая последние крохи силы, а кот стоял, покачиваясь, и ждал приказа.

— Спой! — приказал я.

Кот не шевельнулся, продолжая покачиваться в такт слышимой только ему музыке.

— Идёт направо — песнь заводит! — усилил я давление, чувствуя, как горят лицо и пальцы рук.

Только вместо того, чтобы начать петь, орать или как-то иначе показать подчинение, кот медленно, как сова, на сто восемьдесят градусов, повернул голову, зыркнул на меня мертво-зелёными глазами и рассыпался в прах, как мумия.

Следом за ним на пол осели последние крохи отработавшей своё глины. От таблички осталась только небольшая, пахнущая влагой и старым карьером, горсть грязи.

— Пушкин в финикийском звучании, — задумчиво протянул Станиславский, соединив руки за спиной.

К нам подскочила Наташа, которая позволила себе пересечь границу рва. Её коса растрепалась ещё больше, но ей это, как ни странно, шло.

— Как тебе мой кот? — спросил я, не давая ей отдышаться.

Девушка хмуро глянула на меня из-под бровей, но обратилась к Станиславскому:

— Директор, этот студент совершенно не контролирует свою магию. Его существа ему не подчиняются. Только наша удача и его криворукость, которая не позволила ему создать более надёжный носитель, защитили нас. Ещё бы немного и этот потусторонний зверь мог выйти из-под контроля!

— Ты тоже заметила его взгляд, да? — ответил я на выпад, ожидая вердикта директора.

Станиславский оглядел арену, посмотрел на стоящих за рвом студентов, которые сдали экзамен, изучил Наташу.

— Что ещё вы заметили, госпожа Гончарова?

Гончарова? Она что — наследница Самого?!

Девушка резко убрала прядь с лица, от чего коса колыхнулась и звякнул полумесяц.

— Неуважение к классике, нарушение техники безопасности при работе с материалами носителя, потеря контроля над призванным персонажем, невнятная дикция, которая не подойдёт для уважающего себя автора. Это если кратко. Расписать подробнее? — уточнила она.

Директор покачал головой:

— Не стоит. — И посмотрел на меня.

Его взгляд мне не понравился.

Он словно направил на меня винтовку и сейчас смотрел через оптический прицел, ожидая момента, чтобы выстрелить. На седых висках выступили вены, по лбу пролегла глубокая морщина.

Лысина Аристотеля! Он что, решил меня завалить? А всё из-за этой Наташи! Болтает под руку.

Я представил, что буду три года работать в конторе отца и превращать чужие фантазии об умных унитазах в реальность. Меня чуть не стошнило от таких перспектив.

Напряжённую тишину нарушил директор:

— Михаил, вы прошли. Присоединяйтесь к остальным. — После чего резко обернулся и пошёл на выход — вторая дверь находилась на той стороне, где стояли прошедшие ранее студенты.

Теперь уже студенты, да.

Я замер, пытаюсь понять свои ощущения. Получалась каша, в которой даже опытный редактор не разберётся.

Но больше всего опешила от такого поворота Гончарова.

— Но почему? У него же было столько ошибок и недочётов?

Директор остановился у рва. Теперь наш разговор чётко слышали и остальные. Станиславский оглядел группу студентов, а затем указал рукой на Солнцева в жёлтой куртке:

— Роман, расскажите, почему Перьев прошёл этот экзамен.

Парень снял солнечные очки, потерев их в руках. По лицу было видно, что он недоволен тем, что его выбрали для ответа на такой вопрос. Кир рядом поднял руку, показывая, что он готов сказать. Я ему кивнул с благодарностью за поддержку.

Однако директор Кирилла проигнорировал, продолжая ждать ответа от Романа.

— Я задал вопрос, Солнцев. Или вы хотите начать своё обучение с проблем? — прозвучало это холодно и опасно.

Улыбавшиеся студенты моментально стали серьёзными, а Рома побледнел.

— Э-э, — протянул он, собираясь с мыслями. — Думаю, что причина такого решения имеет совершенно точные предпосылки, — начал он витиевато, но директор рубанул:

— По сути, Солнцев.

Роман бросил на меня недовольный взгляд, но наконец собрался.

— Михаил опоздал на экзамен, но несмотря на ограниченное время выполнил формальные условия задачи: *цитата* есть, персонаж пришёл. Не было указано, что требуется что-то ещё.

Он замолк, плотно сжав губы, похожий слегка на уточку в своей жёлтой куртке. Гимнастки замолкли, азиаты делали вид, что их наши проблемы не касаются. Остальные студенты молчали, кто-то отводил взгляд.

Директор, выдержав драматическую паузу, кивнул:

— Вспомните Хемингуэя: «Первый черновик всегда дерьмо». При этом черновик можно написать очень и очень быстро. Это Михаил и показал. Но что он сделал ещё?

На удивление, вперёд выступил японец:

— Он использовал особенности материала, как силу. Современная бумага не идеальна, но универсальна. Японская рисовая бумага — подходит под мифы и легенды моей страны. Некоторые любят кость и бамбук.

Китаец рядом нахмурился, но промолчал.

— Современные культуры не пишут на глине. А древние народы, будь то основоположники Боевого Метода греки, любители клинописи шумеры и аккадцы или создатели первого линейного знакового алфавита финикийцы часто писали на глиняных табличках. Однако сила их слов не будет достаточной, чтобы вызвать магию. Он взял тот алфавит, который высечен в камне и сделал транслитерацию своего языка в древний. Уложившись в ограниченное время.

Закончив ответ, японец поклонился директору, кивнул мне и сделал шаг назад на своё место.

Станиславский оставался стоять, как статуя из того самого камня, о котором сказал японец.

— Верно. Путь работы с материалами — не основной профиль для многих из вас, но в нашей Академии ему посвящён целый факультет. Понимание особенностей магии слова, Боевого Метода и того, как они работают с носителями информации — также важно, как правильная презентация автора. Ведь это и есть презентация вашей книги в самом приземлённом виде.

Студенты молчали, а я улыбался. Уроки отца не прошли даром. Если он хотел, чтобы я работал с ним, надо было хуже учить меня.

— А вы, Михаил, — не оборачиваясь сказал директор, — не преувеличивайте свои заслуги. Сегодня был только первый этап. Учёба в Сепии требует от студентов огромных вложений. Дойти до выпускного смогут далеко не все. Если продолжите полагаться на случайности, то вылетите, как и те, кто просто не сдал экзамен.

— Принято, — кивнул я с уважением.

— Это касается всех, понятно? — Станиславский резко выпрямился, хотя казалось, что куда уж прямее.

Арена под ногами задрожала, раздался ритмичный стук, словно кто-то стучал палками по полу. Или древками копий.

Студенты закивали и стук на арене затих. Наташа, получив разрешение от Станиславского, и повела нас прочь из зала. Директор оставался стоять на арене, когда дверь отсекала нас от него.

Пару минут мы шли по коридору в тишине, которая нарушалась только шорохом наших шагов. Затем мы оказались в небольшой зале метров пять на пять со стульями и диванчиками, кулером с водой и пластиковыми стаканчиками.

— Что дальше? — спросил Кир, присаживаясь на диван, прямо посередине.

Наташа молча подошла к кулеру, налила воды и махом выпила. С громким треском сжала стакан и выбросила его в ведро. Резко обернулась и наставила на меня палец:

— Если бы не длинный язык вот этого кадра, мы пошли оформлять документы, а после по домам. А теперь из-за него мне придётся собрать всех поступивших, организовать вечеринку, а лишь затем найти время на документы.

— Вечеринка — это же хорошо, — ответил я на претензию.

— Тебе может быть. А мне! — Гончарова махнула рукой, глубоко вздохнула: — В общем так: пока вы не подписали документы, вы не имеете право покидать территорию Академии. Иначе вы будете отчислены сразу.

Остальные студенты возмутились:

— И сколько нам ждать? Нам домой надо!

— Столько, сколько потребуется, — почти спокойно сказала Наташа. — Все претензии, как я говорила ранее, к Перьеву.

— Может сначала документы? — протяжно сказала гимнастка Лера. — У нас с Кристиной сегодня выступление в книжном Отто.

Её подруга закивала, а несколько человек вокруг одобрительно загомонили. Книжный Отто считался популярным местом. Отец мне запретил у Отто выступать, а после посещения нескольких презентаций других авторов я перестал мечтать. Слишком попсо́во и в то же время безжизненно.

— Директор дал указание, я не могу его послушаться, — печально ответила Наташа. — Так что вот вам вода, — указала на кулер, — места отдохнуть, — стулья и кресла. — Когда я закончу организацию, пришло кого-то из орков, они проведут.

— Из орков? — вскинулся Кир с диванчика, но Наташа уже открыла дверь и исчезла в соседнем помещении.

Народ помолчал, недобро глядя в мою сторону. Палыцы сами легли на сумку с книгой.

— Но вообще странно, что документами занимается только Гончарова, которая ещё и наша однокурсница. Вы обратили внимание, что на экзамене были две первокурсницы? — спросил я, переводя внимание.

— А кто вторая? — удивился Рома Солнцев. Он сморщился, поняв, что не удержался от любопытства.

— Найтвинд на первом этапе.

— Найтвинд? С нами будет учиться Найтвинд? — загомонили гимнастки и некоторые другие студенты.

— В среду её не было, — сказал Кир. — А что она попросила сделать?

— Победить её вампира, — ответил ему.

— Что? И ты прошёл? — Кир от удивления подпрыгнул на диванчике. — Она же уже издаваемый! У неё популярности очков пятьсот, не меньше. У тебя, что, больше?

Все с подозрением посмотрели на меня. Ну да, такой уровень популярности объяснил бы всё. Я покачал головой.

— Не важно. Победил. Потом у неё сами спросите.

— погоди, — подошёл ближе парень китаец. Кажется его звали Гань Вэньцзин. — Если Найтвинд была сегодня утром на первом этапе и ты в нём участвовал, то получается, ты за сегодня прошёл все пять экзаменов?

Студенты замерли, не веря тому, что услышали.

— Ну не, — сказала Лера.

— Бред, — протянул Солнцев.

Девушка с красно-белыми волосами недоверчиво фыркнула — первое более или менее явное проявление эмоций.

— Ты из-за этого задержался? — спросил Кир. — Я думал, что ты только на атмосферу сегодня ходил.

— Я видел его на драконах, — добавил Роман.

— А стиль он явно не сегодня сдавал! — довольно заявила Лера.

Я довольно поправил волосы, и ответил:

— Прошёл за пять минут. Бабушки были в восторге.

Я услышал недовольный стук. Это Кристина, подруга Леры, стучала ей по спине, приговаривая:

— Эти две карги достали своими придирками! Они мурыжили нас два часа, а его — за пять минут?!

Народ снова смотрел на меня как стая волков на гиену, которая оборжала их шкуры. Ну, или как на кота, который довольно вылизывался прямо посреди их лежбища.

— Всё, надоело, — сказал Солнцев, убирая очки в карман.

— Действительно, ходить в помещении в очках — так себе затея, — уважительно кивнул ему.

— Да ты достал! — рявкнул жёлтый. — Давай, покажи, на что ты способен, Перьев! Или трусишь, как цыплёнок?

Рома резким движением вытащил свою книгу из сумки, и она тут же засияла приятным жёлтым светом. Почти как у моего отца, только раз в сто менее ярко.

— Цыплёнок здесь только ты, если не заметил, — спокойно ответил, прижимая пальцы к сумке. Книга отреагировала и начала греть пальцы даже сквозь ткань. — А я уже проголодался. Цыплёнок табака будет в самый раз.

Рома рыкнул, хотя казалось, что его тощее тело на такое не способно. Книга засияла ярче, парень открыл рот, но тут с громким скрипом приоткрылась дверь, за которой исчезла Гончарова.

— Дуэли между писателями и студентами разрешены только на аренах после согласования с руководством. За нарушение этого правила — исключение. Обеих сторон, — не повышая голоса сказала Наташа и с лёгким звоном исчезла в кабинете.

Мы с Ромой ещё несколько секунд постояли, готовые к бою, но затем медленно убрали руки с книг. Магический свет мягко погас, а в зале повисла тишина. Студенты, переглянувшись, расселись по стульям и диванам.

Кирилл помахал рукой и указал на место рядом. Я не стал спорить и уселся на диван, вытянув ноги. Даже не думал, что так устал. От парня слегка пахло кожей и машинным маслом. Он что, его в качестве одеколona использует?

На меня иногда поглядывали, но тишина накатила как волна, поднимая со дна накопившуюся у всех усталость. Напряжение экзаменов постепенно отступало. Несмотря ни на что, наша группа из двенадцати человек прошла. Часть лиц я уже запомнил, часть казалась фоном, персонажами третьего плана, которые появились на мгновение и исчезнут в следующей главе.

Не заметил, как задремал, а проснулся от окрика:

— Перьев! Ты всё-таки решил не поступать?

Наташа Гончарова выглядывала из кабинета и со злостью смотрела на меня. Оказалось, что в зале осталось всего пять человек, в том числе Солнцев. Видимо нас вызывали по алфавиту.

— Иду-иду, — с кряхтением встал и направился к девушке.

Внутри меня встретил уютный кабинет. Вдоль стен стояли шкафы с документами, книгами, статуэтками. На небольшом журнальном столике стояла ваза со свежими цветами. На потолке — изящная люстра с пятью лампами-свечами, которые разгоняли вечерний сумрак.

На чистом рабочем столе стоял пятиэтажный органайзер для документов, в который влезла бы библиотека Конгресса, десяток стаканчиков для ручек и карандашей, массивный, выполненный в форме гигантского то ли орла, то ли кондора, расправившего крылья, шиватель и дырокол, которым, казалось, можно даже руку проколоть. Яркая лампа прогоняла тени, как небольшое солнце.

— Вижу, ты любишь основательность, — прокомментировал я, присаживаясь в кресло для посетителей.

Гончарова уселась следом, бросила на меня острый взгляд, после чего быстро застрочила на подготовленных бланках. Вписала мои данные, какие-то номера и даты, чиркнула в углу на отдельно напечатанном квадратице кривые линии, похожие на лабиринт, после чего развернула лист ко мне.

— Проверь, прочитай договор. Если всё устраивает — подпиши тут и тут. — Зашелестели страницы, застучала ручка, указывая места для подписей. — Договор о неразглашении продолжает действовать.

— Угу, до самой смерти и немного дольше, — в тон ответил ей, проглядывая бумаги.

— Согласна, мне тоже кажется это перебор. Но таковы правила, — устало произнесла Наташа. — Хотя, где ты и правила? — не удержалась она от шпильки.

— Просто я их очень хорошо знаю.

Я быстро прочитал параграфы, поставил размашистую подпись, забрал свою копию и, потянувшись, спросил:

— Куда дальше?

— Можешь валить куда хочешь, но ваша вечеринка уже началась. Так что возвращайся по коридору назад, там встретишь одного из орков, и он тебя проводит.

Я не стал уточнять, кто в Академии настолько силен, чтобы использовать персонажей в виде работников на постоянной основе. Возможно, сам директор.

Вслед за мной зашёл парень по фамилии Робеспьер. Надеюсь, характер у него получше, чем у исторического деятеля. Нам всё-таки учиться вместе.

В конце коридора, как и обещала Гончарова, меня встретил орк. Это оказался уже известный мне Роше.

— Пройдёмте. Ваши друзья ждут, — вежливо и даже величественно произнёс он, поправляя свою сумку. В ней что-то звякнуло.

— Зелья носишь? — не удержался от вопроса.

Орк показал клыки и не ответил. Мы молча двинулись по коридорам главного корпуса. Академия затихла, исчезли суетливые шаги абитуриентов, а в аудиториях не горел свет. Мягкие светильники освещали дорогу, создавая причудливую игру теней, в которой можно было увидеть и монстров, и проходы в другие миры.

В этом здании всё дышало историями. Каждый камень, каждый декоративный доспех и деревце в кадке словно обещали рассказать свою тайну, предысторию, которая привела их в этот мир рассказчиков.

Хотелось остановиться, изучить их, но у меня другие цели. Не только читать и слушать, но и писать. Создавать своё.

Я автоматически погладил книгу, в которой сейчас жил и набирался сил Франк. Мой первый персонаж и первый Боевой Метод Писателя. Останавливаться нельзя.

Наконец Роше остановился около больших дверей, указал на них, позволяя мне самому открыть их. Стоило потянуть створки, как они мягко разошлись в стороны и на меня накатил

мощный гул: десятки голосов, тихий низкочастотный бит из высоких колонок, звон посуды и смех.

Несколько человек обернулись в мою сторону, отсалютовали стаканами, после чего отвернулись. Никого из них я не знал, как и они меня.

Зато те, кто знал, сразу разделились на две неравномерные группы. Кирилл, завидев меня, начал махать руками, а его красно-белая бандана выглядела как проблесковый маячок в полумраке большого зала. Сколько же их тут, таких залов?

Остальные из моей группы смотрели холодно и сонно. Девять часов вечера, весь день на ногах, с напряжением магии — я их понимал. Но могли поспать, как я, и чувствовали бы себя лучше.

— Миш, давай, набирай себе пожрать, тут отличные закуски. Жаль только нормальной еды нет, — подтащил меня к банкетному столу Кир. — Вот, те фаршированные яйца отличные, с копчёнкой, самое то для мужика. У меня бабушка такие делает. И вон тарталетки с авокадо и лососем — если хочется чего-то понежнее.

Он хлопнул меня широкой ладонью по спине и отошёл в сторону, где стояли напитки.

— Тарталетки с авокадо? Не думал, что ты знаешь такие слова, — удивлённо пробормотал ему вслед.

Справа прыснули. Обернувшись, увидел девушку с красно-белыми волосами. Она изумлённо посмотрела на меня, кивнула и пошла по своим делам. Видимо для неё это считалось вполне себе адекватным приветствием. Возможно, я даже стал её другом.

Или врагом. Кто её знает.

Студенты кучковались небольшими группами. Точно сосчитать я не мог, но человек восемьдесят-сто здесь было. Ещё некоторые постепенно подходили.

Перекусив, я начал медленно гулять по залу.

Заметил, что вокруг наших японца и китайца собрались две группки, обе примерно равного размера. Местные ребята активно спрашивали про особенности литературы и жизни в Азии, а парни в центре внимания, ревниво оглядывая размер группы соперника, важно что-то рассказывали.

Однако самая большая группа, как и предполагалось, собралась вокруг Эрин Найтвинд. Девушка, как обычно, прикрыв глаза, слушала своих поклонников, но отвечала в основном её помощница Беатриса. Лишь изредка Эрин слегка наклоняла голову и отвечала на интересный вопрос.

Я подошёл к группе сбоку, чтобы не попасться на глаза Беатрисе и, как только возникла пауза, задал вопрос, который волновал меня с момента первого экзамена:

— Подскажите, а у вас есть лицензия на цитирование Стокера? Или вы считаете, что у вас оммаж на него?

Цитаты — слишком ценный ресурс. Писательские семьи защищают их как могут, продавая только за большие деньги. И как будущий писатель с детства не любил пиратов, что воровали чужой труд...

Вот теперь Найтвинд открыла зелёные глаза. Из них тут же посыпались искры, а книга, которая лежала у неё на коленях, засияла ярким фиолетовым светом.

Пару секунд она искала источник провокации, а когда наткнулась на меня... плотоядно улыбнулась.

— А, это ты, любитель монашков. А на первый взгляд и не скажешь. — Девушка откинула чёрную прядь со лба.

Я пожал плечами:

— По вам тоже не скажешь, что вы настолько глупы, чтобы не понимать, что используете чужую интеллектуальную собственность.

Книга в её руках засияла сильнее. О, теперь я почувствовал, что её магия действительно опасна. Рука сама скользнула к сумке, нащупывая корешок.

— Как-то вы ярко реагируете. — Кивнул на неё, а толпа, глазевшая на меня, обернулась и только сейчас заметила, как сияет книга Найтвинд.

«Неужели это правда?» говорить вслух не пришлось. У всех возник тот же вопрос и повис невидимым мечом над Эрин.

Найтвинд дёрнула плечиком, открыла рот, но её помощница тут же выступила вперёд:

— Что вы себе позволяете?! В приличном обществе такие вопросы задавать не принято! Ваши грязные намёки недопустимы! Если бы у госпожи Найтвинд были подобные проступки, то за счёт её популярности об этом знали уже все! И МагКомНадзор уже бы выписал постановление! А его нет! Госпожа Найтвинд чиста перед законом и своими читателями!

Но всё время, пока Беатриса говорила, я смотрел на Эрин. И девушка отвела взгляд зелёных глаз в сторону, а на бледных щеках выступили небольшие красные пятна.

— Я вас услышал, — спокойно ответил я. — Возможно злую шутку сыграла моя начитанность. Уверен, что автор такого уровня не станет нарушать чужие права. Приношу свои извинения. — Я слегка поклонился, приложив руку к сердцу. — Приятного вечера.

И развернулся уходить. Не люблю тех, кто плагиатит. Но здесь видимо что-то похитрее, раз к ней действительно никто не придрался.

— Перьев! — резко окликнула меня Найтвинд.

Я остановился, но не обернулся.

— Как только нам разрешат дуэли, ты будешь первым, кого я размажу, — она говорила ровно, но той самой ровностью, в которой звенит натянутая гитарная струна.

Махнув рукой, ответил:

— Будет интересно посмотреть.

Дальше я ушёл под недовольный гул фанатов Найтвинд и возмущение Беатрисы, которая пыталась что-то втолковать своей начальнице. Но меня больше никто не окликнул.

Только Кир показал палец вверх, не отвлекаясь от пирожного со взбитым кремом. Если Наташа организовала это мероприятие за час-полтора, то я снимаю перед ней шляпу. У меня её нет, но одолжу специально для этого у Франка.

А затем музыка резко стихла, свет в помещении выключился. По залу пронеслась волна неприятного холода и крошечную тьму прорезал яркий белый луч света.

Перед нами в центре зала застыла высокая фигура в балахоне, лицо которой скрывал капюшон. На ладони лежала толстая книга и горела опасным, пугающим красным светом.

Вспышка и дышать стало нечем.

Глава 7. Фолиант основателя

Красный свет книги казался отблеском ада. Будто сам Данте вылез из подземного мира помахать факелом. Краем глаза я заметил, что в нескольких углах вспыхнули книги.

Высокая фигура замерла и только край капюшона медленно колыбался на отсутствующем ветру. Яркий белый свет сверху создавал резкий контраст, из-за которого невозможно было разглядеть лицо под капюшоном.

От человека исходила нешуточная угроза, от которой дрожали пальцы, и хотелось с криком: «Мама!» удрать подальше. Пришёл в себя от скрипа: оказалось, я настолько стиснул зубы.

Кратко глянул на сумку, внутренне кивнул сам себе: книга не загорелась, а значит, сдержался. Сдержанность для писателя — важнейшее качество.

Вдруг давление исчезло, словно воздух разрешили снова стать обычным, а не тяжёлым, как бетонная плита. По всему залу прошелестели вздохи, загоревшиеся книги погасли.

Фигура в балахоне в центре зала широким движением распахнула свой фолиант, и алый свет стал ещё ярче, смешиваясь с белым. По залу запрыгали искорки красного цвета, над страницами закрутилась воронка из букв и слов.

Из-под капюшона зазвучала песня, похожая на шаманское заклятие, в котором невозможно было вычленить конкретные слова. Только отдельные звуки и общий мотив.

Поддерживая мужчину — а по голосу это явно был мужчина — в углах загремели барабаны. Появившиеся орки, штук десять, обнажённые по пояс, накачанные, стучали огромными палочками по стоящим на полу барабанам, задавая шаманский ритм, который постепенно ускорялся.

Из фолианта мужчины в балахоне выскользнули красные тени. Они постепенно сформировались сначала в полупрозрачного дракона, а затем разделились на три части. Одна часть стала гигантским орлом, вторая — медведем, а третья — каракатицей. Той самой Сепией, в честь которой названа Академия.

Все три полупрозрачных фигуры поплыли под потолком, медленно двигая конечностями и раскрывая пасти. Несмотря на их откровенную иллюзорность, отвести глаза было невозможно.

Бой барабанов продолжал накатывать волнами, шаманское гудение накрывало плотным одеялом, а в зале становилось всё светлее.

Неожиданно орёл спустился ниже, стал плотным и реалистичным, после чего пронёсся над нашими головами, создавая ветер и поднимая в воздух салфетки, заставляя трепетать волосы студентов.

Врезавшись в стену, орёл исчез.

Следом медведь приземлился на все четыре лапы, ударная волна прошла по помещению, сбивая особенно тонких студентов и студенток. Зверь прорычал в потолок, а затем промчался через толпу и врезался в другую стену, исчезнув за ней.

Сепия спускалась медленно, плывя в невидимых подводных течениях. Два хватательных щупальца мягко тянулись к нам, как ладони матери, и мне захотелось стать ближе, чтобы это магическое существо, коснулось моего лица.

Каракатица держала в «руках» книгу, перо и ключ — главные символы Академии.

Сам не заметил, как стал вместе с остальными студентами тянуть руки вверх, в надежде коснуться нашего символа. И Сепия позволила: её щупальца опустились ниже и начали мягко скользить по залу, касаясь каждой подставленной ладони.

Когда она коснулась и меня, я почувствовал тепло, заботу и ощущение, что «я — свой». Что мне здесь рады. Ощущение, которое можно поймать в объятиях любящей семьи или близких друзей.

А затем Сепия медленно растворилась, оставив нас с острым кинжалом белого света, в котором стоял мужчина с красной книгой.

Резко барабаны затихли, орки рявкнули, после чего исчезли, будто и не было. Мужчина в балахоне с гулким грохотом захлопнул книгу, красный свет моментально погас.

И только сейчас я понял, что нам показали настоящий Боевой Метод Писателя.

Потому что я чувствовал ветер от крыльев орла; вибрацию от шагов медведя; тёплое касание Сепии. Это были не фантазии, а наша реальность.

Свет в зале медленно становился ярче, луч с потолка терял свои чёткие очертания. Мужчина в балахоне спрятал книгу, после чего снял капюшон.

Я был уверен, что под ним находится директор или кто-то из преподавателей, но перед нами оказался парень лет двадцати. Видимо студент старших курсов.

Он широко улыбнулся, поклонился, а затем сделал приглашающий жест. У дальней стены, где до этого момента стояли тёмные пустые столы, вспыхнули жёлтые лампы и перед нами оказались преподаватели.

Я увидел уже знакомых мне бабушек в шляпах, Тиа с экзамена по атмосфере, препода, что призвал против меня гидру. Посередине стоял директор Станиславский, держа в руках бокал.

— Дорогие студенты! Поздравляю вас с поступлением в Академию Сепия! Для вас начался новый этап жизни и творчества. Сразу предупреждаю: это не будет простая развлекательная прогулка. Мы готовим лучших авторов, способных менять мир. А значит, от вас потребуются не только любовь к творчеству, но и воля к победе, и высокие моральные принципы.

Преподаватели, сидящие вокруг, закивали словам Станиславского.

— Вы только что прикоснулись к символу Академии и получили первое благословение Сепии. Думаю, многие почувствовали то самое воодушевление и вдохновение, верно?

Директор ухмыльнулся, а зал ответил ему довольным бормотанием и кивками.

— Сейчас же вы прикоснётесь к другой традиции, которой уже не одна сотня лет. Вы получите пожелание от самого основателя Академии!

Студенты замолчали, пытаясь сообразить, каким это образом умерший сотни лет назад человек способен дать им пожелание.

Я сразу решил, что его перевели в подобие персонажа книги и сейчас призовут с помощью Боевого Метода. А может зачитают обращение.

Но я оказался не прав. Директор махнул рукой парню в балахоне и тот подошёл ближе, поклонился и передал фолиант с красной магией.

— Это, — Станиславский поднял фолиант выше, — книга самого основателя. Его магия до сих пор живёт и поддерживает стены этой Академии. И одно из последних его наставлений перед смертью звучало так: «Пусть каждый новый студент прикоснётся к моей книге и получит личное напутствие. Пусть услышит голос из прошлого, который подскажет, как жить в будущем».

Опустив книгу на стол перед собой, он дал знак старшекурснику и тот перенёс книгу на кафедру чуть в стороне от преподавательского стола.

— Давным-давно, когда я был таким же молодым, как вы, и тоже прикоснулся к книге. Сказанное мне оказалось правдой, пусть мне потребовались годы, чтобы это понять. Так что не расстраивайтесь, если не сразу разгадаете посыл основателя.

Все заинтересовано вытянули шеи, разглядывая фолиант основателя. Книга слегка мерцала красными огоньками.

— Подходите по одному, касайтесь правой рукой обложки. Открывать не нужно. Точнее, не стоит. У этой книги есть зубы, — добавил директор, после чего студенты засуетились, выстраиваясь в ряд.

Но уже спустя несколько секунд новая волна разрушила порядок: стоящие впереди пропускали идущую параллельно очереди Эрин Найтвинд. И никто не возражал.

— Они что, боятся, что она вампира на них напустит? — спросил я вслух.

Найтвинд даже не обернулась, зато рядом оказался Роман Солнцев. Он и прокомментировал:

— Эта та самая популярность, которую ты игнорируешь, Перьев. Она открывает разные двери. По-разному.

После чего пошёл к очереди и встал там, где было место, не пытаясь кого-то перескочить. Найтвинд в этот момент достигла начала очереди и заняла первое место. Ни студенты, ни преподаватели ничего не сказали.

Только старшекурсник в балахоне смотрел на неё, как на выскочку. Ну и я с Кириллом. Парень как раз подошёл ко мне, дожёвывая очередную тарталетку.

— Пошли, тоже постоим в очереди. Интересно, что скажет древний манускрипт, — сказал Кир, поправляя бандану.

Не успели мы двинуться, как вдруг зал осветила яркая красная вспышка и улыбка старшекурсника увяла. Найтвинд же держала ладонь крепко прижатой к книге, плотно зажмурив глаза. Алое свечение охватывало её с ног до головы, а волосы шевелились, как наэлектризованные.

Ещё раз ярко сверкнуло, и Эрин отступила на шаг от книги, прижимая ладонь к груди. Преподаватели многозначительно переглянулись, и директор попросил дать место следующему, словно ни в чём не бывало.

Беатриса, помощница Найтвинд, выскочила из очереди и начала хлопотать вокруг Эрин. То воды подаст, то салфетку. Писательница, или как там её называли, авторка сидела на стуле и тяжело дышала.

— Интересно, что ей шепнула книга? — спросил Кир, но я лишь пожал плечами.

— Скорее наорала, судя по яркости и состоянию.

Следующий студент подтвердил мои слова: у него была всего одна вспышка и мягче, спокойнее. Отошёл парень с довольной улыбкой, будто ему подсказали короткий путь к первому миллиону тиража.

Очередь шла, сокращаясь, как валютный запас ребёнка в кондитерском магазине. Иногда алые вспышки сияли ярче, иногда тусклее. Те, у кого были тусклые, обычно выглядели счастливее, чем те, кто касался фолианта ярко.

У азиатов вспышки были средней интенсивности и оба задумчиво отошли к столам с напитками. Девушка с красно-белыми волосами и Кирилл аж отступили на шаг назад, когда погас свет. Они оба тяжело дышали, разошлись в разные стороны: Кир снова пошёл есть, а девушка села в углу прямо на пол и прижала колени к груди.

Наконец пришла моя очередь.

— Ты, главное, не попортить казённое имущество, Перьев, — сказала за моей спиной Гончарова.

— А если книга попортит меня, тебя накажут? — мило спросил я, подмигнув ей через плечо. Девушка не нашлась, что ответить. — Ладно, посмотрим, что там и как.

Я шагнул к кафедре, на которой лежал толстый фолиант.

Да, это была не просто книга, а древнее нечто, у которого потемнел срез страниц, а обложка была истёрта тысячами касаний. Даже на относительно новой деревянной накладке поверх уже была видна заметная выемка в виде ладони.

Чуть приглядевшись, я увидел потёки, словно книга какое-то время лежала под дождём, а затем её высушили.

Ещё от неё шло тепло. Не такое мягкое, как когда нас касалась Сепия, более горячее, острое, но всё равно приятное.

Я задержал ладонь над обложкой, сосредотачиваясь. Я пытался ощутить силу, магию, что была заключена внутри, но кроме тепла никаких других эффектов не было.

Ладно, поехали! Я прижал ладонь к обложке, впечатывая руку в выемку, которые оставили предыдущие поколения студентов.

В ту же секунду я ослеп: красная вспышка ударила по глазам, проникла в тело, запуталась в лёгких, не давая дышать. Захотелось отступить, но я сжал зубы, давая чужой магии проникать в моё тело.

Мне показалось, что нити слов и предложений, как тонкие змеи проскользнули по моим венам, охватили ноги, сжали руки, а затем, как дикий зверь вцепились в сердце.

Только сознание осталось будто в стороне, наблюдая за происходящим, оценивая. И первая мысль была практичной: когда вернусь, надо сразу записать это ощущение.

Вторая оказалась уже более приземлённой: если выживу. Почему-то у меня не возникло сомнений, что эта магия способна меня убить. Вот только страха не было.

Вдруг красная пелена перед глазами исчезла и замелькали образы: огромная тёмная арена с огромной толпой на трибунах, густой лес с искрами глаз неведомых существ, невероятный, разбитый на осколки континент, парящий в воздухе.

Я словно несся через эти картинки, уклонялся от пролетающих мимо камней и существ.

А затем оказался на поляне. Яркая, мультяшная трава. Такие же яркие пятна будто нарисованных цветов. Низенький стол, пенёк вместо стула. Напротив меня — седой мужчина в светло-серой мантии и с длинными волосами. Лица при этом не видно.

Он сделал движение рукой, приглашая за стол. Я аккуратно сел, не отводя взгляда от безликого.

На столе появилось три предмета: кинжал, свеча и... моя книга. Её я узнаю из сотен.

— И в чём смысл этого пожелания? — Удивился, что мой голос прозвучал натурально, а не как бывает во сне.

Вместо ответа на поляне наступила ночь. Трава стала сине-фиолетовой, из-за деревьев вылезли щупальца-тени. Они потянулись к нам. Точнее, ко мне, потому что мужчина исчез.

Засранец, седой.

На меня накатила волна страха и я, подчиняясь рефлексу, схватил со стола свою книгу. Яркий зелёный свет Боевого Метода осветил поляну. Щупальца отпрянули, зашипев.

Но спустя мгновение они снова бросились ко мне. Рука сама потянулась к кинжалу на столе. Фехтовать я не умею, но оружие придало уверенности.

Моя книга продолжала сиять зелёным, а за спинойросло пламя — зелёное, приятное, освежающее. Это горела оставленная там свеча.

Все щупальца вдруг устремились именно к свече. Я понял, что должен во что бы то ни стало защитить её. Не дать погаснуть. Взмахнув кинжалом, призвал магию и несколько отростков отделились, упав в судорогах на землю.

Я переключил внимание на другие щупальца, но тут мои ноги вдруг пронзила боль. Отрезанные щупальца скрутили мои лодыжки! В глазах помутилось, равновесие потерялось.

Упершись кинжалом на стол, я устоял, но увидел, как щупальца почти коснулись пламени свечи. Я дёрнулся к ней, стараясь прикрыть своей рукой, защитить и...

...очнулся в паре метров от кафедры с книгой.

Фолиант лежал на кафедре раскрытый, а из него в потолок бил красный столб энергии. Но стоило мне открыть глаза, как он резко потух, а книга закрылась.

Я почувствовал: бок что-то греет и перевёл взгляд. Моя книга горела ровным зелёным светом и это было видно через приоткрывшуюся сумку.

— Эй, как ты? — раздался рядом голос. Кир.

— Норм, — просипел я, пытаясь подняться. — Что... что случилось?

— Это у тебя нужно спросить, брат, — шёпотом ответил Кирилл. — Ты светился красным, как Найтвинд. А может и ярче. Что там происходило у тебя?

Ответить ему я не мог. Образы утекали из памяти, будто я действительно видел сон. Поэтому я выдернул книгу из сумки и, не глядя на то, что она светилась, открыл на странице с заметками.

Обычная шариковая ручка оказалась в руках, и я начал записывать всё, что запомнил. Кир навис надо мной, но я его подвинул, чтобы не закрывал свет.

Только когда я закончил с заметками и захлопнул книгу, устало откинулся, чуть не упав. Оказалось, что я сидел недалеко от столов, а рядом не было ничего, что могло послужить опорой.

Поймав равновесие, я поднялся. Живот резко заурчал, требуя перекуса.

— Как вы видите, он в порядке. Такое бывает, — спокойным голосом сказал Станиславский, под смех студентов, переключая внимание на себя. — Прошу оставшихся участников подойти к книге.

Только вот никто больше не хотел идти. Несколько секунд оставшиеся смотрели друг на друга с опаской, но тут раздался уже знакомый звон.

Гончарова, сжав кулаки и нахмутив брови, вышла вперёд, застучав каблуками по полу. Никто не остановил её и не сказал, что она вне очереди.

Девушка подошла к кафедре, я видел, как напряглась её спина, как она сжала челюсть. Но вот она подняла руку, замерла на мгновение, и опустила ладонь на обложку.

Алый свет мягко потёк из фолианта, обволакивая Наташу подобно туману, невесомой дымке, обнимая её со всех сторон. Цвет был более насыщенным, но при этом не ослепительным.

Я бросил взгляд на стол преподавателей и заметил, что некоторые удивлённо подняли брови, а другие, наоборот, сморщились, как от неприятных новостей. Даже реакция фолианта на Найтвинд не вызвала такой заинтересованности. Значит то, что происходит с Гончаровой ещё большая редкость.

Наконец свет отступил, мягко втянулся в фолиант, а Наташа сделала неловкий шаг назад. Когда она обернулась, она прижимала обе руки к груди, а в глазах стояли слёзы.

А вот улыбка была счастливой.

— Продолжаем! — громко объявил директор, и оставшиеся несколько человек коснулись книги.

Ничего выдающегося больше не было, зато каждый из них отошёл с довольным лицом.

Старшекурсник, повинувшись просьбе директора, передал ему книгу. Директор прошептал под нос *цитату*, и фолиант основателя исчез. Интересно, он его где-то у себя на теле спрятал или перенёс в специальное хранилище?

Цитат, подходящих под такую магию, я не знал, поэтому заинтересовался. Кажется, моё решение пойти в Сепию оказалось крайне выгодным. Столько всего, чего я не знаю и могу выучить, чтобы стать самым лучшим и известным писателем!

Когда закончилась церемония, было уже около двенадцати ночи. Накатила усталость, и все студенты тихонько зевали, сидя за столами с закусками. При этом никто не уходил.

Мы ждали. Не знали чего, но понимали, что такой «спонтанный вечер» явно подразумевал продолжение банкета.

И мы угадали.

За столом преподавателей встал мужчина, который мучил нас драконами. Он достал книгу, и та засияла жемчужным светом. Я напрягся, готовый к очередному дракону или гидре, но вместо этого в центре зала появилось раскидистое дерево.

Только вот вместо плодов на нём висели белые пластиковые шарики.

— Каждый сейчас подойдёт к дереву и возьмёт один шарик. Внутри вас ждёт небольшой подарок от Академии. Плюс там инструкции, как вам быть дальше. Возьмите и после можно идти домой отдыхать.

Студенты тихо загудели, начали подниматься со стульев. Потянулись первые руки, чтобы коснуться шариков.

Только вот стоило одной девушке с заколкой в виде бабочки коснуться его, как по пальцам ударила небольшая молния. Сухой треск разнёсся по залу, заставляя всех снова замереть.

— Ах да, забыл уточнить, — с почти незаметной ухмылкой добавил препод. — Надо призвать свою магию, чтобы шар дался в руки.

Учителя за столом покачали головой, кто-то даже прикрыл рукой лицо, стесняясь поведения коллеги. Студенты поворчали, но достали книги и начали вызывать свою магию.

Постепенно шарики на дереве закончились. Я тоже взял свой, подкинул на ладони и убрал в сумку. Потом глянул, что и как.

— А теперь пора расходиться по домам. Завтра у вас последний свободный день, а в понедельник начинаются первые уроки. Пообщайтесь с родными, они будут скучать по вам, — сказал директор, когда дерево медленно растворилось и исчезло.

Он ещё раз поздравил нас с поступлением, и мы потянулись на выход. Силы начали покидать даже меня: ноги гудели, а голова стала тугой.

На выходе из главного корпуса я вдохнул полной грудью, наслаждаясь прохладным ночным воздухом. А затем услышал вопрос:

— Уже поздно и автобусы уже не ходят. Как мы доберёмся до дома?

Действительно, как?

Только эта тема быстро ушла на задний план, когда дорогу на выход перекрыла толпа людей в капюшонах: кто-то был в балахонах, а кто-то просто в худи.

Но у всех в руках горели книги, а впереди стоял старшекурсник, который проводил церемонию. Видимо и остальные являлись старшекурсниками.

Парень поднял свою красную книгу над головой и сказал:

— А теперь, новички, посвящение проведём мы!

Глава 8. Зловещая долина

— Готовы, новички, к настоящему посвящению? — спросил вожак-старшекурсник и его книга засияла опасным красным светом.

Довольный гул толпы напротив нас и расцветающие разными цветами книги заставили зажмуриться. Усталость от долгого дня замедляла мысли, приглушала удивление и ярость.

Мои однокурсники удивлённо хлопали глазами, не понимая, что происходит. Кто-то начал боязливо оглядываться, походя на потерявшегося котёнка.

Хотелось просто упасть в кровать и, наконец, уснуть. А вместо этого нам тут представление устраивают.

Фигушки.

Если кто-то помешает мне и моим друзьям отдыхать, тому ноги оторву. Чтобы не догнал, пока мы поковыляем в люлю.

— У старичков бессонница, смотрю, — сказал, выходя вперёд, прикрывая собой покачивающуюся от усталости толпу первокурсников. Демонстративно зевнул. — Вы бы таблеточки приняли или музыку успокаивающую послушали. Говорят, помогает.

— Ты чего себе... — начал было парень слева от известного нам старшекурсника, в тёмно-зелёном худи и капюшоне.

Его движением руки остановил вожак.

— Ты только на словах такой храбрый...

Хе, теперь его перебил уже я:

— У настоящего писателя только слова и есть. Они его щит и меч. Вроде как в Сепии этому должны учить. Или ты прогулял все лекции?

Красная книга в руках старшекурсника вспыхнула ярче, из неё вырвалось несколько линий из букв.

— Ты наговорил на проблемы всем, первач!

За спиной раздался стон:

— Опять ты! Перьев, ты можешь не подставлять хотя бы других? — Наташа Гончарова подошла ближе, закатив глаза. — Ты только поступил, а уже создал мне и остальным кучу проблем.

Я увидел, как закивали несколько сокурсников, которые сдавали последний экзамен вместе со мной. Эй, я стараюсь и ради вас!

— Вообще-то начали они, если ты не заметила. Я хотел решить вопрос побыстрее, чтобы все пошли отдыхать. Или ты предпочитаешь, чтобы нас просто побили?

— Да не собирались они нас бить, в Академии нельзя... — неуверенно сказала Наташа, но словно в ответ на её слова десяток старшекурсников призывали существ.

Раздался гул десятка голосов, читающих *цитаты*, в воздухе повис неприятный привкус металла и пыли. Перед нами появились солдаты, магические звери и даже одна пушка. Где он такого персонажа нашёл?!

— Интересно, — вдруг раздался голос и вперёд вышла Найтвинд.

Оглядев толпу старшекурсников, девушка красивым поставленным движением достала книгу, и та плавно засияла фиолетовым светом.

— Судя по тому, что я вижу, здесь лишь два человека стоят высокого звания Академии. А остальные откуда? С улицы подобрали?

О, а она начинает мне нравиться! Я тоже достал книгу, показывая серьёзность своих намерений и поддерживая посыл Найтвинд.

Ведь действительно, сильными ощущались только тот самый вожак этой стаи, который пока никого не призвал, и ещё один участник с краю. Он призвал человека в боевом костюме. Что-то из научной фантастики.

Первокурсники, увидевшие, что Найтвинд вышла вперёд, осмелели и тоже достали книги. Воздух наполнился электрическим потрескиванием оголённого провода под напряжением.

Я погладил книгу, готовый показать этим придуркам, что нас не стоит недооценивать.

— Анатолий! — тишину разрезал голос Гончаровой.

Наташа прошла мимо меня, мягко отодвинула в сторону Найтвинд, посмотрев на неё горящим взглядом, после чего остановилась напротив старшекурсника с церемонии. Упёрла руки в бока, возмущённо дёрнула головой, отчего её полумесяц на косе звякнул.

Увидев Наташу, Анатолий с красной книгой, слегка притух. В прямом смысле.

— Да, Наталья Александровна? — теперь в его голосе звучала лёгкая неуверенность.

Остальные старшекурсники тоже притихли и даже шагнули назад.

— Анатолий, я вчера видела вашу ведомость. Я понимаю, вы крайне перспективный автор, вон, даже на церемонии выступаете. — Она махнула рукой, указывая на главный корпус за спиной. — Но это не значит, что отчётное эссе можно не сдавать.

— Но срок ещё не вышел, — начал он оправдываться, а среди наших рядом пронеслась смешинка.

— Конечно, — кивнула Наташа. — Думаю, вам не составит труда написать его качественно и со ссылками на источники за оставшийся день.

Она демонстративно глянула на запястье. Только часов там не было.

— Сейчас уже начало первого. Значит, у вас осталось менее суток для сдачи. Если, конечно, ваш куратор не забудет подтвердить получение вашей работы, всё-таки завтра выходной у всех нормальных людей.

— Сделаю, — кратко ответил Анатолий, развернулся на месте и быстрым шагом, но без бега, пошёл прочь.

Остальные старшекурсники переглянулись и стали отзываться своих персонажей. Они выглядели испуганными: плечи опустились, капюшоны смотрели в землю. Только парень с краю, с персонажем в боевом костюме, спокойно снял капюшон и подмигнул Наташе.

— Надеюсь, остальные уже сдали свои эссе, и их кураторы переслали их на учебный совет. Будет обидно вылететь из Сепии за полгода до защиты.

Группа старшекурсников тут же рассыпалась и исчезла в темноте парка Академии.

Как только никого не осталось, первокурсники радостно закричали и поблагодарили Гончарову. Она устало повернулась к нам, кивнула всем и потёрла глаза.

Я подошёл.

— А ты говорила, что я подставляю всех. Без меня такого эффекта не вышло бы. А так — настоящий сюжетный твист.

— Лучше бы мы им врезали, — недовольно сказала Найтвинд, проходя мимо.

Она не остановилась и пошла прочь из Академии в сопровождении помощницы. Действительно, она ещё не потеряна для мира.

— А ты сильна, подруга! — подскочил к нам Кир. Его бандана слегка сползла на одно ухо. — Получается, у нас на потоке есть не только сильные авторы, но и собственный административный ресурс!

Наташа вздохнула:

— Если рискнёшь его использовать, то готовься к отчислению. — Кир замер, схватившись за сердце. — Нам повезло, что я действительно видела его ведомость. Случайно. Моя работа сейчас связана только с поступающими.

— Зарисовка с боем против превосходящего врага тоже хорошо вписалась бы в сюжет, — поддержал всех я, но судя по взглядам первокурсников, мой вариант им не понравился.

Ну, ничего. Ещё научатся радоваться творческой схватке.

***

Оказалось, что Академия организовала несколько автобусных рейсов в город, так что студентам не пришлось тратиться на такси. Хотя несколько жёлтых машин всё равно уехали. В одной я заметил Найтвинд.

Домой я вернулся в полвторого. Выпустил Чеширского кота в обои, скорее по привычке: отец так всегда делал, используя его в качестве сторожевой системы. Попил воды и завалился спать.

Утро настало поздно, когда солнечный луч знатно припёк мне щеку, словно планировал пожарить бекон к завтраку. Пришлось его разочаровать и встать до того, как появится хрустящая корочка.

В квартире было непривычно тихо и пусто, только изредка на обоях мелькала улыбка Чеширского кота, который обходил дозором владения свои.

Помывшись и переодевшись, я пошёл на кухню. Включил радио со старыми хитами, достал сковородку с толстым дном. Уронил на неё сливочное масло и три куска бекона.

Крошечное помещение моментально наполнилось насыщенным ароматом жирка и мяса и желудок радостно подпрыгнул, ожидая вкуснятины.

Добавил мелко порубленного чеснока, три крупных яйца, а когда подошло время — пару веточек петрушки. Ненавижу петрушку, но отец сказал, что парню полезно. Так что я воспринимал её как витамины, которые просто нужны.

Быстро позавтракав, я вытащил из кармана шар, который вчера, точнее сегодня, снял с дерева. Сжав его в кулаке, разломил на две части. Внутри оказался сложенный лист бумаги и бумажная трубочка, подвязанная красивой ленточкой.

Сначала я разложил лист и быстро прочитал написанное. Это оказалась инструкция: что брать с собой, какой распорядок дня в Академии, к какому общежитию я приписан.

— Большую часть времени я буду жить в Академии, — сказал я улыбке кота на обоях, чтобы услышать живой голос. Неожиданно отсутствие отца начало давить, хотя я не в первый раз оставался по утрам один. — Квартиру придётся запереть на все замки. Оставить тебя или нет?

Улыбка Чешира стала ещё шире.

— Ну да, ну да. Не тебе решать. Без присмотра оставлять хату не хочется, но и без тебя мне будет совсем грустно. Вдруг придётся снова презентацию проводить? — Я допил остывший чай. Не такой вкусный, как у отца. — Ладно, заберу. Надеюсь, отец продлил страховку, если что.

Затем я собрал небольшой чемодан с вещами. Пластиковый, потрёпанный временем и сотнями километров маминых поездок, он стоял в дальнем углу шкафа в комнате родителей. Рука не поднялась его выкинуть.

А теперь пригодился.

Самое ценное пошло в наплечную сумку: книга, остатки чернил и ручки с перьями. Сборник цитат для учащихся. Учебники по истории Боевого метода и материаловедению. Коробка листового чая и пачка молотой корицы, без которой сердце не согреть.

Убедившись, что ничего не забыл, достал бумажную трубочку и развязал ленточку. Передо мной оказался мини-свиток из плотной дорогой бумаги. Одна эта бумага уже обладала значительным магическим потенциалом, как основа.

Но, помимо этого, внутри находилась *цитата*. Я прочитал и по телу пробежала дрожь.

— Вы что, издеваетесь надо мной?

Текст оказался из «Война и мир»: *«Потом вдруг, как будто вспомнив о своем королевском достоинстве, Мюрат торжественно выпрямился, стал в ту же позу, в которой он стоял на коронации и, помахивая правой рукой, сказал: — Je ne vous retiens plus... — и, развеваясь красною, шитою мантией и перьями, и блестя драгоценностями, он пошел к свите, почтительно ожидавшей его».*

И что мне делать с этим излишним пафосом? Для чего нужна такая *цитата*? Зачем такой персонаж? И почему она досталась мне, а не, скажем, Солнцеву или, наконец, Лере с Кристиной, гимнасткам? Они любят понты, а не я. Я за практичность.

Но ответа не было. Было только понимание, что мне дали вполне себе ценную в денежном выражении *цитату*. Если бы я покупал её в магазине у того же Отто или в моём любимом Пухееве, пришлось бы выложить как минимум пятьдесят серебряных.

А это почти месяц моей жизни, если что!

Если у каждого поступившего такой подарок, то... Академия совсем не стеснена в средствах.

— Надо будет найти их сокровищницу, — пробормотал я, изучая свиточек. — Пропажу пары золотых они даже не заметят.

Помотал головой, прогоняя пелену жадности. Мысль казалась притягательной, как история про плохих парней: круто следить за приключениями вора, пока за тобой не приходят из полиции или, не дай Аристотель, из Ордена Редакторов.

Аккуратно выправив бумажку с *цитатой*, вложил её в книгу между страниц и поднялся.

Всё, больше дома меня ничего не держало. До каникул я покидаю родное гнездо. Сердце слегка защемило, захотелось остаться ещё на полдня, до вечера, ведь сказано, что в Академии нужно быть не позднее утра понедельника...

Я громко звякнул ключами, позвал Чешира и тот выпрыгнул из стены, чтобы раствориться в книге, в ещё одной вложенной *цитате*. Оглядел прихожую, выключил часть приборов, проверил окна и...

Вышел из дома.

ШкоЛаз довёз меня до остановки «Академия». Вместе со мной ехала всего парочка студентов и все старшекурсники. Они сонно смотрели в учебники, будто сейчас сессия, а не начало учебного года.

Пройдя арку с кованой Сепией, глянул на карту недалеко от входа. Теперь, без спешки, она сразу бросилась в глаза. Так-с, где здесь моё общежитие?

— О, Михаил Александрович, и ты здесь? Неужели прошёл?

Серёга стоял в паре метров от меня, довольный и лоснящийся, как кот, повалявшийся в сметане.

— Здравова, Серёга. Хорошо выглядишь, — сделал я ему комплимент. — Со вчерашнего вечера лоск наводил?

— В смысле? — нахмурился Серёга. — Я умею быстро собираться.

— Просто удивлён, что вчера тебя не было на вечеринке в честь поступления в Сепию.

— Вечеринки? Какой вечеринки?! — Его глаза округлились, а на лице появилась такая обида, словно у него прямо из рук выдернули любимое мороженое и скормили муравьям.

— Да вот была одна, — пожав плечами, ответил ему. — Ну ладно, может в следующий раз повезёт. Пошёл искать свою общагу.

Я начал двигаться по дорожке вперёд, на ходу оглядываясь. Через метров десять Серёга окликнул меня:

— Эй, а какая у тебя общага?

Я помолчал, но всё же ответил:

— Зловещая долина.

Я спиной почувствовал, как напрягся Серёга, а затем... заржал.

— Ты в Долину попал? Ха-ха-ха! Ух, — он аж тяжело задышал. — Видимо вечерника прошла как надо, раз тебя туда определили. Ну ладно: удачи тебе! — Он махнул рукой и направился в сторону главного корпуса. — Хотя она не поможет тебе там выжить!

«Бе-бе-бе» послужила ответом на мои мысли блестящая, переливающаяся блёстками зелёная надпись на боковой стене ближайшего павильона. Судя по табличке, это было внешнее помещение для чтения. Стиль напоминал ту надпись, что пытались смыть служащие вчера в другой части Академии.

Эту не трогали, видимо, потому, что она была на деревянной конструкции.

Ещё раз сверившись с картой в памяти, я пошёл дальше, в глубину территории Академии.

Слева мелькнул главный корпус, указатели на библиотеку и торговый квартал, а затем я оказался в тёмном лесу. Деревья в парке стояли так плотно, что дорожка погрузилась в тень.

Вдоль аллеи расположились скамейки, сейчас пустые, отчего накатывало беспокойство. Будто только что там кто-то был, а затем его сожрал монстр из леса.

Не останавливаясь, но при этом стараясь запоминать ориентиры и особо эффектные моменты — например, расколотое молнией дерево, чьи ветви тянулись в стороны, подобно голодному спруту, — я дошёл до указателя: «Общежитие Зловещая долина»

Деревянная потрёпанная табличка, со следами то ли ударов, то ли укусов, указывала в сторону узкой, заросшей плющом тропы.

— Надеюсь, эта трава не плотоядная. Иначе Чешира жалко будет.

Книга в сумке завибрировала: видимо Чеширский кот услышал мои слова и возмутился. А потом ещё говорят, что у персонажей нет своей воли. Уши-то у них точно есть!

На удивление, плющ оказался обычным растением и через несколько минут я оказался перед воротами.

У общежития оказался собственный кованный забор с кирпичными высокими столбами и широкие, увитые металлическими лозами ворота. Правда, одна створка стояла на земле, прислонившись к столбу, а в нескольких местах забора прутья были выгнуты так, что даже тролль пролез бы.

Само общежитие находилось на возвышенности и оказалось старой трёхэтажной усадьбой с бледно-зелёными стенами, деревянными, с облупившейся краской, колоннами у входа и пятью широкими ступенями, ведущими к двери.

На второй ступени сидел, читая обычную книжку, парень лет девятнадцати. Белая рубашка с закатанными по локоть рукавами, чёрные брюки подвёрнуты, а босые ноги испачканы в земле. Длинные тёмно-серые, до плеч, волосы собраны в хвост и затянуты обычной канцелярской резинкой.

Он читал и иногда шевелил пальцами ног. Однако стоило мне приблизиться к лестнице, парень захлопнул книгу, что прозвучало как сигнал к охоте.

— Новичок, ты не заплутал? — спросил он хорошо поставленным голосом. Светло-серые глаза пристально следили за мной.

— Если это Зловещая долина — то теперь это мой дом.

— Твой дом? — изогнул бровь парень. — Чтобы назвать Долину своим домом, нужно или быть психом...

— Или? — поправив сумку с книгой, спросил я. Пальцы автоматически нащупали корешок сквозь ткань.

— Или заслужить это право!

Он поднялся, спустился по ступеням и встал напротив. Я достаточно высокий, но он оказался ещё на полголовы выше меня.

— Ты что, из притчи про Голиафа сбежал?

— А ты уже ищешь камни, маленький Давид?

— Лучше базуку.

Парень с хвостом засмеялся.

— Меня зовут Егор Криденс. Живу здесь уже два года.

— Я Михаил Перьев, планирую вселиться.

— Хорошо, Миша, можно ведь Миша? — Я кивнул. — Есть, правда, один нюанс. Проверка.

Почему я совсем не удивлён? Если тут препода на вступительном экзамене позволяют драконам сожрать студентов, то и студенты должны соответствовать.

Так что вместо слов я достал книгу из сумки.

— А ты смыслённый, — довольно кивнул Егор и торопливо сказал: — Твоя задача — убедить старшего студента общежития, что ты достоин стать частью Зловещей долины. А поскольку я старший...

— Это ты-то старший? — вдруг прорезал воздух визгливый женский голос.

Дверь из общежития с грохотом распахнулась, стукнула о стену, посыпались хлопья краски с колонн. На площадку перед входом вылетела женщина лет шестидесяти, сжимая подмышкой мелкую собачонку.

— Егор Владленович! С каких это пор ты стал старшим? В Долине есть только один старший студент, точнее, студентка и это я!

Студентка? Эта бабушка?! Ка-а-а-ак???

Егор сморщился, но сделал шаг в сторону.

— Михаил, позвольте представить вам Лидию Авилову! Старшего студента общежития Зловещей долины и всей Академии! Лидия — это Михаил Перьев.

Женщина сделала неловкий реверанс. Вот почему позорится она, а кринжово — мне? Судя по выражению лица Егора, он чувствовал тот же испанский стыд.

— Она что, действительно стоит над всеми студентами в Академии? — спросил я, разглядывая женщину. Раз она студентка, то относиться к ней можно, как к равной.

— Ну, главная она только в нашей общаге, — шёпотом заговорил Криденс, — но в Академии она просто самая...

— Что ты там шепчешь? — визгливо перебила Лидия. — Снова сплетничаешь про мой возраст?

— Ни в коем случае! — с каменным лицом ответил Егор.

— А есть о чём сплетничать? — наивно спросил я.

Ух, впервые я пожалел, что сказал что-то вслух: Авилова обдала меня таким взглядом, что будь я чуть ближе, тут же сгорел бы в геенне огненной.

— Ты! — она указала на меня длинным, с крупными суставами, пальцем. — Я готова была пойти на уступки новичку. Но теперь ты просто так не пройдёшь!

Она перекрыла своим невысоким широким телом проход в дверь. Скрестив руки на груди, чуть не прищемив пёсика у себя под мышкой, она ухмыльнулась.

— Ну что, Михаил, теперь тебе мало не покажется. — Её глаза драматично загорелись фиолетовым светом.

Я поднял перед собой книгу, отпуская магический дар на волю. Зелёный свет осветил пространство.

Но женщина лишь засмеялась:

— Ха-ха-ха! В этом бою книга тебе не поможет!

Я скосил взгляд на Егора. Тот с испугом глянул на меня и аккуратно провёл пальцем по шее.

Мне хана?

Глава 9. Неправильные вопросы

— Ты рискнул прийти в моё общежитие, но пришёл без уважения. За это ты заплатишь! — прорычала Лидия, которая стала похожа на собаку больше, чем зажатое подмышкой существо. — Только если ты пройдёшь МОЙ тест, ты сможешь переступить порог Зловещей долины!

Я раскрыл книгу на первой странице, изучил собственные инициалы. Хмыкнул:

— Вам сказку на ночь рассказать? Или, наоборот, страшилку, чтобы проснуться?

Авилова довольно осклабилась, показывая неровный ряд зубов. На её подёрнутом морщинами лице это выглядело пугающе. Надо запомнить и описать такого персонажа в книге.

— Я же сказала, что книга тебе здесь не поможет. Зачем мне, профессиональной студентке, с вами неучами возиться. — Она уничижительно фыркнула. — Задание будет посложнее.

Она сделала шаг вперёд, ступая на первую ступеньку и мне показалось, что лестница, пусть бетонная, но скрипнула под её ногой.

— Ваши нежные ручки, ваши возвышенные мысли, ваши понты и наманикюренные пальчики станут лишь препятствием на пути к выполнению моего задания.

Я на всякий случай огляделся.

— Егор, — обратился я к Криденсу, — она с кем разговаривает?

Парень ответить не успел.

— Молча-а-а-ать!!! — проорала Авилова. Мне показалось, что хвост Егора едва удержался на голове парня.

Лидия тяжело дышала, а бедный пёсик в подмышке посинел от того, как она его сдавливала. Но при этом не издал ни звука. Видимо его долго дрессировали.

— Ещё раз крякнешь, цыплёнок, будешь жить в конуре на улице, как понурая псина.

Я едва сдержался, чтобы не ответить про самок собак и их воспитание. Вместо этого посылнее сжал корешок книги, с которой ярче полился зелёный свет и слетело парочка золотистых линий из букв и слов.

— Так в чём ваше задание? Вы как-то затянули с интригой.

— Ты будешь меня учить, как строить саспенс?! — снова взвизгнула Лидия, но после этого вздохнула, будто какая-то мысль её отвлекла. — Короче, мальчик. У тебя двадцать минут. Приготовь нормальный завтрак и завари чаю. Если провалишься, то поселю тебя вон там.

Она указала в дальнюю часть внутренней территории, где находился небольшой сарай. Оттуда как раз выглянули две девушки, привлечённые криками.

— Правда, учитывая, что сейчас это территория дам, то тебе придётся спать на улице. Готов замарать ручки земной пищей, писака? — дерзко закончила женщина.

Абсурд ситуации слегка выбил меня из равновесия, даже смеяться не мог. Я с подозрением посмотрел на Криденса, но Егор... замер с выражением такого отвращения, что меня самого чуть не стошнило.

Обернувшись к девушкам, увидел похожие выражения, приправленные тоской и обидой. Егор сказал мне тихо:

— Именно поэтому я хотел успеть до неё. Прости.

Я махнул рукой и задал вопрос Лидии:

— Старшая, а если я приготовлю не только завтрак, но и обед — девушек пустите? — и указал большим пальцем на них.

Авилова сбилась с шага, оступилась и чуть не упала с лестницы. Вместо этого она уселась прямо на ступеньку, и её пёсик впервые издал звук: это был писк, но какой-то довольный, что ли.

— Обед говоришь? — Женщина задумчиво посмотрела в сторону девушек, которые замерли подобно соляным статуям. — Зачем тебе помогать им? Они твои конкурентки. Красивые, — завистливо закончила она.

Я не отвёл взгляда.

— Конкуренты мы или нет — покажут наши истории и персонажи. А сейчас мы просто живём в одном общежитии. А ночью на улице уже прохладно. Так обед годится? — Я протянул руку вперёд для рукопожатия.

Женщина с невероятной прытью и скоростью подскочила и в мгновение ока оказалась рядом со мной. Аж ветром от неё подуло.

— Если сделаешь ещё и пампушки к супу — можно и этих неумех в дом пустить.

Пёсик довольно гавкнул из подмышки. Я кивнул, и Лидия сжала мою ладонь и сильно потрясла.

Быстро развернувшись, она махнула рукой и позвала:

— Давай, тащи свой тощий зад на кухню. Посмотрим, есть ли у тебя руки. Если нет, то поспишь на улице. Ты не первый и не последний. А вы, — она резко указала на девушек в дальнем углу, — так и быть, можете посмотреть на своего героя-спасителя.

Девушек не пришлось уговаривать: они оказались в дверях общежития быстрее, чем Лидия и, тем более, я. Егор двинулся следом за мной, задумчиво спрашивая:

— Ты уверен, что это хорошая идея? Если ты не справишься...

Вопрос повис в воздухе, но я не переживал: вот что-что, а с едой у меня не заржавеет.

***

Да твою ж лысину, Аристотель!

На кухне меня ждал толстый слой пыли, ржавый нож и плесневелый сыр в дальнем углу холодильника. Зашедшие следом за мной Егор и девушки косились на кухню, как испуганные лошади, на выскочившего из леса волка.

— Да не бросится сыр на вас, детки, — проворчала Лидия, оглядывая с чувством превосходства помещение. — Ему ещё лет пять полежать, вот тогда отрастит ножки и сможет хотя бы за вами погоняться.

Пёсик под мышкой звонко таякнул. Псинка походила на йоркширского терьера, но казалась седой, излишне лохматой, а розовый бантик на макушке только добавлял несуразности животному.

Что-то в нём меня напрягало, но сейчас не до собак. Нужно разобраться с завтраком. И обедом.

— А как ты попал сюда? — спросил я у Егора, беря нож в руки. Мыльный камень для заточки нашёлся в одной из тумбочек и походил на кусок обветренной магмы. Что есть.

— Пришлось повозиться. Сделал бутерброд, — он драматически понизил голос до шёпота: — Целых десять!

— Ага, а потом сам половину и съел, — недовольно буркнула Лидия, глядя на мои движения. Шелест камня по металлу ножа успокаивал.

— Хлеб в те времена уже был зелёным или только слегка окаменел? — уточнил я, оттирая влажной губкой столешницу между раковиной и старенькой газовой плитой.

Надеюсь, плита не взорвётся, когда я её включу.

— Хлеб и остальное я взял в нашем торговом кварталчике. Там есть несколько продуктовых магазинчиков, плюс студенты своё продают.

Что ж, выбора у меня немного, если я хочу уже сегодня поселиться в Зловещую долину.

— Где чемодан оставить? — спросил я, и мне указали на большой шкаф в прихожей.

Затем я отправился за покупками.

Торговый квартал Академии Сепия оказался небольшим рынком, в котором было две основных «улицы», которые в нескольких местах пересекались перпендикулярными.

Я заходил со стороны главного корпуса и здесь оказались как раз те самые продуктовые магазинчики, о которых говорил Егор. Рядом с ними располагались открытые навесы, на которых лежали овощи, зелень, фрукты, а за прилавками стояли студенты.

— Подрабатывают? — спросил я у девушки из общежития по имени Сабина, которая пошла со мной.

— Отчасти. Здесь реально некоторые студенты выращивают в своих огородах и садах... всякое. Иногда, как лабораторку, иногда на продажу. — Она замялась. — И ещё раз спасибо, что вступился за нас.

Я махнул рукой.

— Лето действительно скоро закончится, незачем мёрзнуть. Ты лучше скажи: ты действительно не умеешь готовить?

Сабину передёрнуло, пряди русых волос упали на лицо, но она собралась и ответила:

— Мы, авторы, работаем с высокими материями. Да, нам нужна еда, одежда, но они должны соответствовать нашему внутреннему состоянию. Готовка же процесс грязный, приземлённый. Он сбивает с настроения.

Я промолчал, выбирая картошку у студента. Он смотрел на Сабину с лёгким осуждением, но молчал. Видимо часто такое слышал.

Я лишь подумал: если таких, как она много, то для кого работают все эти продуктовые магазины? Словно прочитав мои мысли, студент-продавец с чёрными волосами и карими глазами в тёмную крапинку, сказал:

— В основном студенты едят в общей столовой или покупают полуфабрикаты в магазинчиках. Поэтому я рад, что появился новый человек, который не боится, что морковка вцепится ему в горло. Дам тебе скидку на первый раз.

Я накидал в довесок лука, моркови, три крупных помидора, пару яблок и заплатил. Студент кивнул и пригласил приходиться ещё.

Я ещё немного прошёлся по рядам и с трудом удержал себя от того, чтобы не свернуть в переулок, откуда пахло чернилами.

— В следующий раз, — пообещал сам себе, после чего двинулся к следующему прилавку.

Здесь студент сидел на высоком стуле, похожем на барный, а напротив него, с таким же сосредоточенным выражением на морде, сидела на высоком насесте курица. Парень в кепке с надписью «Тагил» шептал:

— *«Жили-были дед да баба. Была у них курочка Ряба. Снесла курочка яичко, не простое — золотое».*

Он повторял сказку по кругу, слегка раскачиваясь, с небольшими перерывами. Курица же сидела неподвижно, но стоило прочитать стишок в десятый раз, как она напряглась, завозилась, и в поддон под ней скатилось яичко.

Парень в кепке подскочил, бросился к ней, подхватил яйцо и скривился.

— Я же говорил: золотое! А ты всё простое, да простое.

— Простите, — вмешался я. — А по сколько яйца продаёте?

В тени навеса лежала целая пирамидка из яиц. Парень раздражённо махнул рукой:

— Да нафиг они мне нужны.

— Тогда нам десяток. Точнее два! — радостно заявила Сабина.

Парень с подозрением посмотрел на девушку, будто та увидела в горе обычных яиц его заветное золотое.

— За половину серебрушки отдам всю кучу, там штук сорок. Годится?

— Да, — кивнул я, не давая Сабине начать спор и доставая деньги. Даже удивительно, что за экономию она забыла о брезгливости.

Девушка надулась, но оттолкнула меня плечом, и сама расплатилась за яйца.

— Всё-таки и нас ты спасаешь, — пробормотала она, слегка краснея.

Пожелав удачи куроведу, мы зашли в магазинчик, взяли хлеба, муки, баночку джема, растительного и сливочного масла с молоком. Также взял куриные бёдра для бульона.

Продавцом на кассе оказалась женщина лет пятидесяти, с мощным вторым подбородком и очень добрыми глазами. Казалось, что она смотрит на мир, как на большой стол, на котором очень много вкусовностей. И все хочет попробовать.

— Какие красивые детки. Новенькие? — проворковала она, пробивая товары.

— Только поступили, — вежливо ответил.

— И сразу за готовку? — со вздохом удивилась она. — А как же столовая? А как же прекрасные наборы и ланч-боксы?

Она повела рукой по полкам за спиной, где находилась целая армия из различных быстро растворимых макарон, моментально вскипающих супчиков из пакетика, бизнес-ланчей по цене картонного стаканчика. И, конечно, туристические сухпайки, после которых туристов не станет есть даже самый голодный медведь. Единственная польза от этой химической бомбы под видом полезных веществ.

— Спасибо за заботу, — побледнела Сабина. Она видимо ещё не свыклась с мыслью, что это действительно можно есть и рассчитывала на мифическую столовую. — Но нам нужно кое-кто приготовить, иначе мы останемся ночевать на улице...

— О, какая чудесная традиция! — не сдерживая улыбки заворковала продавщица. Чуть ли не захлопала в ладошки. — Помню, как к нам в общежитие пытался подселиться один урод: иностранец, два метра красоты, голубые глаза и кубики пресса.

Казалось, от ностальгической улыбки у женщины появился третий подбородок. Я плохо мог представить себе её рядом с «двумя метрами красоты».

— Он не мог приготовить борщ и три недели жил на улице!

— Как-то жестоко. Иностранцы могут не знать наши рецепты, — покачал я головой, за что получил огненный взгляд.

— Вот выбрал бы меня, вместо той гнилушки Сапфиры, сразу бы оказался в общежитии! Так нет, решил выкобениваться!

Вопрос о том, почему такой красавец оказался «уродом» сразу отпал. Я уже готов был тихо уйти, как Сабина задала вопрос:

— Получается, вы тоже учились в Сепии?

— Да, я почётная выпускница, — гордо выпрямилась продавщица, чуть задрал подбородки. — Красный диплом!

— А почему вы тогда здесь? — наивно спросила девушка.

Я подумал, что магазинчик сейчас взорвётся — такая ярость надавила на нас. Стеллажи затряслись, несколько коробочек с «ВИП-БИЗНЕС-Ланчем» упали.

— ЕСЛИ БЫ МИР ЛИТЕРАТУРЫ НЕ ПОДЕЛИЛИ КЛАНЫ, В КОТОРЫХ ВСЁ РЕШАЮТ СВЯЗИ, ДЕНЬГИ И БЛАТ, Я БЫ БЫЛА НА ВЕРШИНЕ!

Воздух дрожал, вокруг головы продавщицы появилась красная аура магии. Мне показалось, что этот магазин сам сейчас превратиться в какого-нибудь монстра и поглотит нас.

— НО ЭТИ УРОДЫ НЕ ПУСКАЮТ НИКОГО, ПОНИМАЕШЬ?

Женщина орала, а пачки быстрых обедов взлетали в воздух. Её гнев был настолько силён, что даже без книги она смогла призвать частичку магии. Сабина отшатнулась назад, чуть не упала, но я тут же схватил её за руку, подтянул и призвал свою магию.

Зелёный свет заполонил магазин, сбивая алую волну, не давая нас задавить. Моментально на висках выступил пот, почувствовал, как на это простое действие ушла половина моих очков популярности.

Было такое чувство, будто я столкнулся с автором средней популярности, а не с продавщицей из продуктового. Неужели у неё до сих пор есть фанаты? Множество фанатов?

— Вы жалуетесь на обстоятельства, — прошипел я, едва не прикусив язык от напряжения, — но что вы сделали, чтобы их изменить? Кроме, как жаловаться покупателям?

Алая волна резко схлынула, летавшие коробки с быстрой едой с глухим стуком упали на пол. Женщина тяжело дышала, подбородки колыхались в такт дыханию. Наконец она ответила:

— Убирайтесь! И больше не приходите! Без связей даже Сепия ничего не даст!

Я молча положил деньги на кассу и увёл бледную Сабину прочь.

Что ж, я лишился доступа в один из магазинов в первый же день. В плюс можно записать, что виноват в этом не только я.

Покосившись на девушку, я увидел, что та кусает губу.

— Прости, я не хотела тебя подставлять, — сказала она.

— Ничего. Пошли лучше готовить. Теперь и я проголодался.

По дороге я усердно думал: если даже студенты Сепии могут стать не писателями, а обычными продавцами... Сдаться, бросить мечту... Внутри меня запылал гнев: нет уж, мне такой вариант не годится.

Я стану писателем и буду лучшим в своём деле, что бы мне это не стоило.

В задумчивости вернулись в общежитие, и я принялся за готовку. Сковородка, кастрюли лишь слегка запылились, поэтому я их быстро привёл в порядок и приступил к приготовлению.

Первым делом промыл курицу, налил в кастрюлю чистой воды, закинул туда бёдра и поставил вариться бульон. Кинул чуть сильнее, чем хотел, отчего брызги разлетелись по столу. Девчонки и Егор, который с любопытством приблизились, отскочили в стороны, как от чумы.

Игнорируя нервных и периодически снимая пенку, я почистил и порезал овощи, после чего слегка обжарил на сковороде. Луковицу оставил целой, сняв только шкуру. Её сразу же закинул к курице, чтобы бульон вышел более наваристым. Лидия за спиной довольно угукнула, а её пёсик несколько раз задорно тявкнул.

Разогрел сковороду, разбил в миску яйца и медленно влил молоко, взбивая. Ребята держались на расстоянии, но я слышал, как урчат их животы. Если не потороплюсь, то сожрут меня.

Добавил соли и немного молотого перца. Кинул на сковородку кусочек масла, убавил огонь, после чего вылил смесь и прикрыл крышкой. Крышка оказалась прозрачной, поэтому все на кухне наблюдали за тем, как поднимается яйцо, и походили на кота, что следит за стиралкой.

Через семь минут у меня уже был готов пушистый омлет.

Быстро разделив его на дольки, как торт, выставил перед Лидией, Егором, Сабиной и её подругой, Коррой.

— Кушать подано!

Уже через три минуты Лидия сидела на стуле, откинувшись на спинку и потирала живот. Затуманенный взгляд упёрся в потолок, словно там разверзлись небеса. Остальные тоже довольно улыбались.

— Прекрасно. Ты можешь жить в Зловещей долине. Выбирай свободную комнату, — наконец сказала Авилова. Пёсик в подмышке, которому тоже достался кусочек омлета, довольно тявкнул. — Меня аж потянуло что-то написать. Как в детстве.

Пожилая женщина мурлыкая встала и пошла с кухни. Мы проводили её взглядами до двери, где она остановилась.

— К обеду я вернусь. А пока, девочки, идите прогуляйтесь.

От неё вдруг повеяло кладбищенским холодом, а на стенах зашевелились тени. У пёсика вылезли непропорционально длинные клыки, и он гавкнул так, словно перед нами было не что-то милое, вроде резиновой уточки, а как минимум ротвейлер.

Сабина и Корра подскочили со стульев и рванули на выход, где чуть не снесли Авилову. Лидия выругалась по-Пушкински витиевато, после чего ушла вглубь общежития.

— Будет писать? — спросил я, возвращаясь к супу. Ещё ведь и пампушки нужно сделать. Егор взялся помыть тарелки. Правда хватило его на одну, после чего судорожно вытер руки и отошёл подальше.

— Скорее всего просто завалится спать. Как всегда.

— Она действительно студентка?

— Да.

— Недавно поступила?

— Если верить слухам, — Егор понизил голос, — то она поступила как все, после школы.

Но с тех пор живёт здесь.

Я вспомнил договор, который читал вчера после экзаменов.

— Но ведь жить на территории Сепии могут только студенты и преподаватели. Может она препод? Невозможно же столько лет оставаться студентом?

Криденс пожал плечами и подтянул резинку на волосах.

— Этого я не знаю. Если верить слухам, она в Сепии живёт дольше, чем мы с тобой вместе взятые на этой планете. Явно для этого есть причина.

— Судя по её магии, общежитие назвали в честь неё, — усмехнулся я, закидывая последние ингредиенты в кастрюлю, и поставил суп на медленный огонь.

Егор тоже улыбнулся и, усевшись за стол, закинул ноги на соседний стул. Пошевелил грязными пальцами на ногах.

— Кстати, — протянул я, опираясь на столешницу позади себя, — расскажи мне про ещё один секрет общежития Зловещая долина и, кажется, всей Академии Сепия.

Егор, расслабленный после завтрака, махнул рукой, мол, валяй.

— Как так выходит, что молодые авторы так опасаются испачкаться о быт? Попортить себе высокое состояние, почистив картошку?

Егор покачал головой:

— Автор — это высокое звание! Он должен посвятить себя служению на все сто! Его мысли не должны спотыкаться о низменные вещи. Он обязан оставаться чистым и вести людей к свету своими историями и персонажами. Его страдания глубоки, печали яркие, а образы — живые!

Криденс поднял руки к потолку, будто читал дешёвые пафосные стихи в баре-наливайке у автовокзала.

— К тому же, — уже более спокойно дополнил он, — в Сепии учится множество тех, кто принадлежит к писательским династиям. А значит, может позволить себе сосредоточиться на совершенствовании своего творчества. Готовка, уборка — это всё занимает время.

— Это получается, лучше жить в грязи? — Теперь уже я не сдержался от брезгливости.

Егор засмеялся:

— Ну не до такой же степени. Работников и уборщиков здесь нет, все равны внутри Сепии. Но можно для этого подрядить персонажей, чтобы они навели порядок. Ну ты знаешь таких персонажей сам. — Он подмигнул.

— Тогда что мешает вызвать скатерть самобранку? — спросил я, уже зная ответ.

— Закон сохранения энергии никуда не делся, — с грустным вздохом ответил Егор. — Скатерти нужно выдать чищенную картошку и порезанное мясо, — он со страхом посмотрел на свои руки, будто они были все в крови после разделки туши.

Он снова поморщился, а грязные пальцы на ногах сжались в подобие кулака.

— Тогда последний вопрос, — сказал я. — Если авторы такие чистюли, то как получается, что они ходят с грязными ногами?

Я кивнул на ноги Криденса. По его лицу скользнула ухмылка и он медленно опустил ноги на пол.

— А ты как думаешь, Миша?

— Я видел твоё искреннее отвращение к грязной посуде и процессу готовки. При этом ты не похож на ребят, что занимаются грядками, выращивая капусту. Так как так?

Егор встал, нависнув надо мной. Он пробормотал *цитату*, после которой в руках у него появилась книга. Она сияла оранжевым светом и выглядела так, будто её слепили из глины, а обложку покрыли сухими прошлогодними листьями.

Мне показалось, что как только книга появилась у него в руках, парень стал ещё выше, плюс раздался в плечах, походя теперь на горного гиганта.

— Есть вопросы, которые не стоит задавать. Например, о возрасте Лидии Авиловой. Или о том, почему у меня такие, — он скривился, — ноги.

— Почему? — спросил, кладя пальцы на сумку с книгой.

— Потому что ответ тебе не понравится.

Егор распахнул книгу, во все стороны ударила тяжёлая сила, будто прошла волна от землетрясения. Оранжевый стал очень ярким, почти ослепляющим.

Но даже сквозь этот свет я видел, как с Криденсом творится что-то странное. Его тело. Его ноги...

— Не может быть, — прошептал я потрясённо.

— Может, — прохрипел Егор, и кухню заволокло желтоватым туманом, в глубине которого, почти у самого потолка, светились ярко-оранжевые огромные глаза.